

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green and blue light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and energy. They are set against a dark, almost black, background, which makes the bright colors stand out. There are also some small, bright green dots scattered throughout the composition, adding to the futuristic and high-tech feel.

Саша Ардаша

Серый ПОЛКОВНИК

Саша Ардаша

Серый полковник

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Серый полковник / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Офицер из будущего оказывается в России 1917 года — в эпохе революций, распада империй и надвигающихся мировых катастроф. Он знает, какие ошибки приведут к гибели миллионов людей, какие государства исчезнут с карты мира и какие диктаторы погрузят человечество в кровавую войну. Но одного знания недостаточно: чтобы изменить будущее, ему предстоит создать настоящее, которого ещё никогда не существовало.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Серый полковник

Пролог

Я сидел в инвалидном кресле и разглядывал информационный стенд больницы. Не потому, что меня интересовало расписание приёма врачей или очередные объявления о профилактике геморроя. Я тренировал зрение. Да-да, пришла старость. Хотя какая, к чёрту, старость? Мне ещё и пятидесяти не было. Просто организм решил, что с него хватит, и начал увольняться по собственному желанию. Причём без предупреждения и сразу всем составом: ноги, спина, глаза, а за компанию ещё и нервная система. За пять лет больниц я насмотрелся на многое. На настоящих врачей, которые разводили руками. На профессоров, которые назначали таблетки от таблеток. И, конечно, на диванных докторов, знавших абсолютно всё: от лечения позвоночника до восстановления зрения. Особенно хорошо они разбирались в моём организме. Видимо, заочно окончили медицинский, причём с отличием. Самое смешное, что я и сам когда-то был специалистом по чужим проблемам. Боевой офицер. За плечами армия, командировки, война. Алеппо, мать его. Пять лет назад я ещё мог пройти несколько километров с полной выкладкой, а теперь радовался, если удавалось самостоятельно добраться до туалета. Производственная травма, как говорится. А кто виноват? Наверное, сам. В детстве насмотрелся фильмов вроде «Есть такая профессия Родину защищать». Красивые слова, правильные лица, музыка на фоне. Всё просто и понятно: вот враг, вот ты, вот твоя страна. Иди и делай то, что должен. Вот я и сделал. Только почему-то в Алеппо я защищал не родину, а чьи-то интересы, которые мне никто особо не объяснял. Кто принял решение? Кто отдал приказ? И кому стало лучше от того, что такие, как я, теперь учатся заново застёгивать пуговицы? Вопросы риторические. На пенсию меня, конечно, не отправили. Я ещё числился в строю, где-то там, в бесконечных бумагах военного ведомства. Только строиться мне приходилось возле кабинета врача. Впрочем, хватит о грустном. Я вообще не люблю жаловаться. За пять лет больницы жизни познакомился с такими людьми, что хоть отдельную книгу пиши. Мужики с перебитыми позвоночниками, парни без ног, старики, которые помнили ещё Афганистан, и совсем молодые ребята, не успевшие толком пожить. У каждого своя история. У каждого своя война. И у каждого в глазах один и тот же вопрос, который никто не произносил вслух. За что? Я тогда ещё не знал, что очень скоро получу возможность задать этот вопрос лично. Не генералам. Не чиновникам. Не тем умникам, которые отправляют людей воевать, сидя в тёплых кабинетах. Самому времени. Хотя, если честно, всё началось с банального падения. В тот день я приехал в больницу на очередную процедуру. Погода стояла мерзкая: мокрый снег, ветер, серое небо. В коридорах пахло хлоркой, старой мебелью и дешёвым кофе. Медсестра сказала подождать, врач задерживался. Я припарковал кресло возле окна и принялся изучать стенд. Там висела какая-то старая фотография. Чёрно-белая, пожелтевшая по краям. Мужчины в шинелях, женщины в платках, деревянные дома, грязная улица. Подпись гласила: «Петроград. Февраль 1917 года». Я усмехнулся. Ну надо же. Сто десять лет прошло, а люди всё те же. Одни кричат о свободе, другие требуют порядка, третьи делят власть, пока четвёртые умирают за чужие решения. Я потянулся, чтобы поправить съехавшую фотографию. И в этот момент погас свет. Не мигнул, не моргнул, как бывает при скачке напряжения. Просто исчез. Вместе с гулом вентиляции, шумом голосов и далёким звоном лифта. Наступила такая тишина, что у меня заложило уши. Я хотел позвать кого-нибудь, но не успел. Стенд перед глазами поплыл. Пол ушёл куда-то вниз, кресло исчезло из-под меня, а в голове вспыхнула ослепительная белая точка. Последнее, что я почувствовал, холод. Такой, какой бывает зимой на открытой местности, когда ветер пробирается под воротник и кажется, будто кожа вот-вот лопнет. А потом я упал. Очнулся я от того, что кто-то пнул меня сапогом в бок. Эй, ты! Живой, что ли? Я открыл

глаза. Надо мной стоял мужик в серой шинели, с винтовкой за плечом и лицом, которое не мыли с прошлого царствования. За его спиной маячили ещё двое. У одного на голове красовалась папаха, второй держал в руках какой-то деревянный ящик. Я моргнул. Потом ещё раз. Никакой больницы. Никакого потолка с облупившейся краской. Никакого инвалидного кресла. Подо мной была грязь. Настоящая, холодная, липкая грязь, смешанная со снегом. В воздухе пахло дымом, конским навозом и чем-то кислым. Вдалеке грохотали выстрелы. Я медленно повернул голову. Улица. Деревянные дома. Толпа людей в старой одежде. Солдаты с красными лентами на рукавах. Где-то кричала женщина. Над крышами поднимался дым. Я служил достаточно долго, чтобы понимать: это не реконструкция исторического события. Слишком настоящими были звуки. Слишком настоящей была кровь на снегу возле ближайшей подворотни. Из какого полка? спросил мужик в шинели. Я попытался сесть. Тело слушалось. Ноги, которые ещё утром были моими главными врагами, вдруг оказались на месте. Спина не болела. Пальцы двигались свободно. Я посмотрел на свои руки. Молодые. Без возрастных пятен. Без дрожи. На мне была какая-то странная одежда, а в кармане обнаружился бумажник с несколькими купюрами, которые я никогда раньше не видел. И обрывок газеты с кисетом махорки. Газетная бумага. Надпись, выполненная старым шрифтом. Но прочитал я только одну строку. «Петроград. 27 февраля 1917 года». Я медленно поднял глаза. Какой сейчас год? спросил я. Солдаты переглянулись. Ты, братец, контуженный? осторожно поинтересовался тот, что в папахе. Я усмехнулся. Профессиональная привычка. Когда ситуация становится совершенно идиотской, лучше всего начать с юмора. Допустим. А кто у вас тут главный? Главный? Мужик сплюнул в снег. Да теперь, мил человек, главных-то нет. Царь, говорят, отрёкся. Временный комитет собирается. Солдаты комитеты выбирают. Рабочие бастуют. А на улицах такое творится, что мать родная не разберёт. Он посмотрел на меня внимательнее. Ты откуда будешь? Я хотел ответить правду. Что я офицер. Что служил в армии. Что воевал в Сирии. Что ещё несколько минут назад сидел в инвалидном кресле в больнице XXI века. Но тут за углом раздалась очередь. Солдаты вскинули винтовки. Толпа шарахнулась в стороны. Кто-то закричал: К оружию! Юнкера идут! И вот тут я впервые за много лет почувствовал себя по-настоящему живым. Не счастливым. Не спокойным. Именно живым. Потому что я знал, что такое стрельба на улице. Знал, что такое паника толпы. И знал главное: если сейчас начнётся бой, эти люди погибнут не потому, что плохо стреляют, а потому, что никто не понимает, кто кому подчиняется. Я поднялся на ноги. Привычным движением проверил карманы, оценил укрытия, расстояния, направление звука. Потом посмотрел на солдата с винтовкой. Слушай сюда, боец. Где ближайший штаб? Какой ещё штаб? Любой. Военный, полковой, хоть чёртов революционный комитет. Мне нужны люди, которые способны слушать приказы. Он оскалился в ухмылке. Ты, батенька, либо сумасшедший, либо генерал. Ни то ни другое, ответил я. Просто старый дурак, который уже однажды видел, чем заканчивается бардак в армии. Я ещё не знал, что через несколько месяцев мне придётся выбирать между присягой, которую я никогда не приносил, и страной, которой ещё только предстояло появиться. Не знал, что встречу с людьми, чьи имена потом будут печатать в учебниках истории. Не знал, что однажды мне предложат изменить ход революции. И уж точно не знал, что самая трудная задача в моей жизни будет заключаться не в том, чтобы победить врага. А в том, чтобы понять, кого именно я собираюсь спасти и имею ли я на это право. Я посмотрел на серое небо Петрограда. Двадцать седьмое февраля тысяча девятьсот семнадцатого года. До Октября оставалось восемь месяцев. До Гражданской войны совсем немного. Я тяжело вздохнул. Ну что ж, господа революционеры, пробормотал я. Давайте попробуем сделать так, чтобы в этот раз всё пошло немного иначе. И где-то в глубине души я уже понимал: легче было бы снова отправиться в Алеппо.

Глава 1

Значит, так сложились обстоятельства, понял я. События вокруг разворачивались стремительно, и я оказался втянут в них без моего согласия, да ещё и против собственной воли.

Судя по всему, история решила распорядиться мной по-своему. Вот только с этим я был категорически не согласен. Пешкой я больше быть не хотел. Хватит. В прошлой жизни я достаточно выполнял чужие приказы, рисковал собственной шкурой ради целей, о которых мне порой предпочитали не рассказывать. И чем всё закончилось? Инвалидным креслом, больничными коридорами и разговорами о том, что жизнь, мол, такая штука. Нет уж. Второй раз на те же грабли я наступать не собирался. Поднявшись, я отряхнул одежду и быстрым шагом направился во дворы. Нужно было разобраться, в какой именно исторический период меня занесло, оценить обстановку и, самое главное, прийти в себя. Пока я не понимал практически ничего. Но одно знал точно: если это действительно 1917 год, то ближайшие месяцы обещают быть чрезвычайно интересными. А учитывая мою привычку попадать в неприятности, вполне возможно, что историей я заинтересуюсь гораздо ближе, чем мне хотелось бы. Пробежав мимо нескольких домов, я заметил свет в окне подъезда. То, что нужно. Я нырнул внутрь и остановился, прислушиваясь. Тишина. Ни шагов, ни голосов. Поднялся на первый этаж, осмотрел площадку и двинулся выше. В прошлой жизни мне не раз приходилось оценивать здания с точки зрения возможного укрытия, путей отхода и расположения помещений. Привычка оказалась полезной и здесь. Я выбирал двери, за которыми, судя по отделке и самой обстановке подъезда, могли находиться люди состоятельные. Не из любви к буржуям, разумеется. Просто в данный момент мне требовалось место, где можно спокойно подумать, а не очередная встреча с революционно настроенными гражданами. На пятом этаже я остановился, огляделся и пошёл обратно. На третьем этаже задержался. Надо же. И в этой эпохе состоятельная публика предпочитает третий этаж. Видимо, некоторые вещи в человеческой психологии не меняются даже за сто лет. Я постучал. Кто там? послышался женский голос из-за двери. Я на секунду задумался. Вам телеграмма. Распишитесь, произнёс я ровным, деловым голосом. За дверью помолчали. Какая ещё телеграмма? Срочная. Лично в руки. Последовала какая-то возня, щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. Этого мне хватило. Я толкнул её плечом и вошёл в квартиру, тут же закрыв за собой. Стоявшая в прихожей горничная тихо ойкнула и прижалась к стене, широко раскрыв глаза. Тише, барышня. Ничего личного, бросил я, хотя понимал, что выгляжу сейчас как самый настоящий грабитель. Из глубины квартиры послышались шаги. На пороге комнаты появился офицер. Судя по форме и погонам, не рядовой служака. Лет сорока, подтянутый, с аккуратно подстриженными усами и выражением лица человека, который привык, чтобы окружающие вставали при его появлении. Увидев меня, он нахмурился. Кто такой? Что здесь происходит? Отвечать я не стал. Вместо этого сделал шаг навстречу, перехватил его руку, развернул корпус и прижал офицера к себе, лишая возможности выхватить оружие. Он оказался не таким медлительным, как я рассчитывал, но возраст и самоуверенность сыграли против него. Через несколько секунд мы уже находились в комнате. Что вы себе позволяете?! раздался женский крик. Молчать! рявкнул я. Или убью его! В комнате мгновенно стало тихо. Офицер дёрнулся, пытаясь вырваться, и я сильнее заломил ему руку. Не советую, господин офицер. Я сегодня не в настроении для светских бесед. Да вы хоть понимаете, на кого подняли руку? прошипел он. Пока нет. Но, думаю, скоро выясню. Я усадил его на пол и связал подручными средствами, которые нашлись в квартире. Затем проверил, нет ли при нём оружия, и только после этого позволил себе осмотреться. Квартира оказалась просторной. Пять комнат, высокие потолки, тяжёлые шторы, добротная мебель, ковры и массивный письменный стол. На стене висели часы, рядом стоял книжный шкаф. На столике у окна лежали раскрытая газета и несколько писем. Жили люди явно не бедно. Вот только времена для таких квартир наступали непростые. Я прошёлся по комнатам, проверяя, нет ли кого-нибудь ещё. Никого. Ни посторонних, ни неожиданных гостей. Вернувшись в гостиную, я наконец опустился в кресло. Ну вот, сказал я самому себе. Уже лучше. Передо мной стояла женщина лет пятидесяти, одетая в дорожное домашнее платье. Она старалась держаться прямо, но пальцы нервно теребили край платка. У двери застыла горничная, бледная как мел. Офицер лежал на полу лицом вниз и, судя по

тяжёлому дыханию, продолжал мысленно проклинать меня всеми известными ему словами. Я откинулся на спинку кресла и потёр переносицу. Нужно было думать. Первое: я действительно оказался в прошлом. Судя по всему, в Петрограде, в феврале 1917 года. Второе: у меня не было ни документов, которым можно доверять, ни денег, ни знакомых, ни малейшего представления о том, что именно произошло со мной. Третье: я только что ворвался в чужую квартиру, связал офицера и пригрозил убийством двум женщинам. Начало новой жизни обещало быть весьма многообещающим. Я посмотрел на хозяйку квартиры. Давайте знакомиться, произнёс я уже спокойнее. Я поверенный его императорского величества. Меня интересует несколько вопросов. И я очень надеюсь, что вы сможете на них ответить. Женщина ничего не сказала. Для начала, какой сегодня день? Она недоверчиво посмотрела на меня, словно пыталась определить, сумасшедший я или обыкновенный преступник. Двадцать седьмое февраля, наконец ответила она. Тысяча девятьсот семнадцатого года. Я медленно кивнул. Значит, не ошибся. Хорошо. Теперь скажите, что происходит в городе? Вы разве не знаете? удивилась она. Беспорядки, волнения... На улицах стреляют. Говорят, солдаты переходят на сторону рабочих. Государь... Она замолчала. Что государь? Не знаю. Говорят разное. Я откинулся назад и прикрыл глаза. Вот оно. Революция. Самое начало. В учебниках всё выглядело просто: даты, фамилии, причины, последствия. Несколько абзацев и огромная страна меняет свою судьбу. Но здесь, в этой комнате, история переставала быть набором параграфов. Она становилась запахом пороха за окном, испуганными лицами и человеком в офицерской форме, которого я связал собственными руками. И теперь у меня имелась возможность вмешаться. Вопрос заключался в другом: стоило ли? Господин, подал голос офицер с пола, если вы рассчитываете получить деньги, то... Замолчите, пожалуйста. Я пока ещё ничего не решил относительно вашей дальнейшей судьбы. Он замолчал. Я открыл глаза и внимательно посмотрел на него. А теперь поговорим о вас. Кто вы, какой у вас чин и почему в такое время находитесь здесь? Офицер медлил. Я задал вопрос. Штабс-капитан... Имя? Он назвал. Я мысленно повторил имя, стараясь запомнить. Пока оно ничего мне не говорило. Возможно, обычный офицер. Возможно, человек, который через несколько месяцев окажется по другую сторону баррикад. В 1917 году судьбы менялись быстрее, чем погода за окном. Прекрасно, штабс-капитан. Теперь расскажите мне, что вы знаете о положении в городе. Только без патристических речей и прочей казённой чепухи. Меня интересуют факты. Он посмотрел на меня с нескрываемой неприязнью. А вы, собственно, кто такой, чтобы задавать мне подобные вопросы? Я улыбнулся. Вот это, господин штабс-капитан, мы с вами и собираемся выяснить. И впервые с момента своего появления в этом странном времени я почувствовал, что начинаю понемногу приходить в себя. Пока у меня не было плана. Но появился первый ресурс информация. А информация, как я слишком хорошо знал по прежней жизни, иногда стоила дороже целого полка.

Глава 2

Заученное правило освобождения заложников гласило: связывать всех. Всех без исключения. Неважно, кто перед тобой старуха, горничная, офицер или случайный прохожий. Никогда не знаешь, с кем имеешь дело и кто из присутствующих через минуту решит сыграть в героя. А герой, особенно неподготовленный, способен испортить операцию быстрее любого противника. Поэтому, пока хозяйка квартиры приходила в себя после пережитого, я аккуратно связал ей руки. Я поверенный конвоя Его Императорского Величества, произнёс я с максимально серьёзным выражением лица. У меня срочное донесение в штаб. В связи с чрезвычайными обстоятельствами вы все арестованы до выяснения обстоятельств. Сам не знаю, почему выбрал именно эту легенду. Наверное, сказалось общее впечатление от эпохи. Здесь человек в форме, произносящий слова «императорское величество» и «срочное донесение», ещё мог производить впечатление. По крайней мере, хотелось на это надеяться. Штабс-капитан попытался что-то сказать. Потерпите, господин офицер. Ваша очередь ещё не подошла. Я предусмотрительно заткнул ему рот. После чего повернулся к горничной. Милая, а покормить меня

не найдётся чем-нибудь? Я, знаете ли, с утра ничего не ел. Девушка посмотрела на меня так, словно я попросил её собственноручно расстрелять государя. Конечно, господин... Она замялась. Просто господин, подсказал я. Господин. Вот и замечательно. Идёмте на кухню. Отпустить её одну я, разумеется, не собирался. Первое правило работы с заложниками никто не отменял: любой из присутствующих может внезапно перестать быть заложником и превратиться в противника. Причём совершенно неожиданно для самого себя. Мы прошли на кухню. К моему удовольствию, жили здесь люди не бедные и хозяйством занимались основательно. На столе появились свежий хлеб, масло, яйца и колбаса. Горничная открыла кастрюлю, заглянула внутрь и робко предложила: Там ещё рагу есть, господин. Всё давай. Она посмотрела на меня с нескрываемым удивлением. Ну да. Человек, ворвавшийся в квартиру с оружием, связавший хозяев и объявивший их арестованными, теперь требовал обед. Со стороны, наверное, выглядело странновато. Но я был голоден. А голодный человек думает плохо. Это я усвоил давно, ещё в армии. Поэтому решил не усложнять себе жизнь. Когда стол был накрыт, я связал горничной руки, уселся и приступил к трапезе. Рагу оказалось превосходным. Хлеб был свежий, масло настоящее, колбаса пахла мясом, а не химической лабораторией. Яйца тоже вполне приличные. Я ел и размышлял. Итак, с годом определились. Я попаданец. Причём не куда-нибудь в эпоху динозавров или в средневековую Европу, где от обычной простуды можно было отправиться к праотцам, а в Россию образца 1917 года. Смутное время, революция, развал армии, передел собственности и прочие радости исторического масштаба. Морально я к этому оказался готов. В прежней жизни я читал книги о попутчиках. Иногда даже слушал аудиовersion, когда хотелось отвлечься от больничных стен. И, надо признать, всегда удивлялся одному обстоятельству: почему герои подобных историй так долго удивляются собственному положению? Ну попал и попал. Чего теперь причитать? Нужно оценить обстановку, понять свои возможности и выстраивать дальнейшие действия. Итак, что мы имеем? Первое. Я помолодел лет на десять. Судя по рукам, лицу и общему состоянию организма, мне снова около сорока. Тело слушается, суставы не болят, спина не напоминает о каждом неосторожном движении. Ноги работают как положено. После пяти лет в инвалидном кресле это было настоящим подарком судьбы. Второе. Навыки никуда не делись. Военная подготовка, привычка оценивать обстановку, способность сохранять спокойствие, когда вокруг творится бардак. Всё при мне. Третье. Оружие имеется. Я посмотрел на пистолет штабс-капитана, лежавший рядом на столе. Вот это уже серьёзный плюс. Правда, следовало выяснить модель, состояние и наличие патронов. Пистолет сам по себе ещё никого не спасал, а вот человек, который умеет им пользоваться, мог получить определённое преимущество. Четвёртое. Крыша над головой есть. Еда есть. Одежда имеется, пусть и вызывает некоторые вопросы. В кармане лежат какие-то деньги, а вместе с ними документы, которые ещё предстоит изучить. Пятое. Я нахожусь в Петрограде, в разгар революции. То есть в месте, где при определённой осторожности можно оказаться в нужное время в нужном месте. Или, если не повезёт, в ненужное время в ненужном месте. С последним пунктом следовало быть особенно внимательным. Я отправил в рот кусок колбасы и задумался. Что дальше? В первую очередь необходимо было выяснить, кем я являюсь по документам. Затем обзавестись деньгами, жильём и нормальной одеждой. После этого следовало определиться с политическими предпочтениями. Хотя нет. Последний пункт можно отложить на неопределённое время. Влезать в политику, не понимая, кто есть кто, занятие для людей, которым надоела собственная жизнь. А мне она, несмотря на все предыдущие неприятности, ещё нравилась. По крайней мере, теперь у меня имелась возможность пройти пешком без боли. Уже неплохо. Я отрезал ещё кусок хлеба, намазал маслом и посмотрел в окно. По улице пробежали несколько человек. Где-то вдаль раздались выстрелы. Революция не собиралась ждать, пока я закончу обед. Ладно, пробормотал я. Будем решать проблемы по мере поступления. Я оглядел кухню, сытых и связанных заложников за дверью, пистолет на столе и тарелку с остатками рагу. А потом неожиданно для самого себя улыбнулся. Чёрт побери, да я ведь дей-

ствительно в шоколаде! Впервые за пять лет у меня не болела спина. Не требовалось глотать таблетки по расписанию. Не нужно было просить кого-то подать кружку или помочь пересест с кровати в кресло. Я снова был мужчиной в полном смысле этого слова. Сильным, здоровым и способным самостоятельно распоряжаться собственной жизнью. Пусть даже эта жизнь началась в разгар революции. Пусть даже за дверью сидел связанный штабс-капитан, а я понятия не имел, что буду делать завтра. Завтра это завтра. А сегодня у меня была еда, оружие и целые ноги. Для начала вполне достаточно. Оставалось только одно. Я посмотрел на часы и нахмурился. Сколько времени у меня есть до того, как хозяева квартиры начнут искать, куда пропал штабс-капитан? И главное, сколько времени потребуется кому-нибудь, чтобы проверить мою легенду о поверенном конвоя Его Императорского Величества? Улыбка медленно сползла с моего лица. Кажется, с шоколадом я немного поторопился. Впрочем, ничего страшного. В армии я усвоил ещё одно правило: если неприятности уже начались, не стоит тратить время на сожаления. Нужно просто сделать так, чтобы следующие неприятности оказались чужими.

Глава 3

Поглощённая пища придала мне энергии. Я немного успокоился и наконец начал приходить в себя. А то ведь с самого момента появления в этом времени действовал практически на автомате. Привычка, выработанная годами службы: сначала решай проблему, потом думай, как ты до неё докатился. Так что там у нас с документами? Да ничего. Какие здесь документы? Как говорил Матроскин, лапы и хвост вот мои документы. Только в моём случае лапы были вполне человеческие, хвост отсутствовал, а вот удостоверения личности, которое позволило бы спокойно разгуливать по Петрограду, не имелось. Надо было что-то придумывать. Я отвёл горничную к остальным и окинул взглядом своих пленников. Кто здесь барин? Девушка захлопала глазами, явно не понимая, чего я от неё хочу. Да что ж такое! Как у них тут принято величать хозяев? Господин? Барин? Ваше благородие? Ваше высокоблагородие? Чёрт ногу сломит с этими обращениями. Нет, историком я никогда не был и сейчас особенно об этом жалел. Как зовут хозяина квартиры? уточнил я. Иван Матвеевич, тихо ответила горничная. Хорошо. А где он служит? Так в штабе и служит. Я даже выпрямился. В каком ещё штабе? В штабе военного округа, господин. А звание у него какое? Так полковник наш хозяин. Я задумался. Полковник! Вот это уже интересно. В прежней жизни моей целью было дослужиться до генеральских погон с тремя большими звёздами. Не получилось. Жизнь распорядилась иначе, а потом и вовсе посадила меня в инвалидное кресло. А теперь судьба, похоже, решила посмеяться надо мной и заодно предоставить возможность наверстать упущенное. Полковник. Штаб. Петроград. Февраль 1917 года. Я медленно перевёл взгляд на дверь кабинета. Так вот же они, мои документы! Не в буквальном смысле, конечно. Но если хозяин квартиры полковник, служащий в штабе военного округа, то его форма, документы и служебные бумаги могут оказаться для меня куда полезнее любой выдуманной легенды. Оставалось только подобрать подходящую одежду. Так, голубушка, сказал я горничной. Показывай, где у вашего хозяина шкаф с одеждой. Девушка посмотрела на меня с ужасом. Но, господин... Милая, давайте без этих «но». Ваш хозяин, насколько я понимаю, пока не вернётся. А мне нужно привести себя в порядок. Она неохотно повела меня в спальню. Шкаф оказался массивным, из тёмного дерева. Я открыл дверцы и принялся осматривать содержимое. Китель. Брюки. Несколько рубашек. Пара жилетов. Я вытащил китель, приложил к себе и поморщился. Нет, не годится.

По плечам широковат, а по росту коротковат. Словно шили на человека совершенно другого телосложения. Ну конечно! Разве может полковник быть худым? Наверняка уважаемый человек, хорошее питание, домашний уют, служебное положение. А тут я после пяти лет больницы диеты, переживаний и прочих радостей жизни. Ладно, не судьба. Я вернул китель на место и тут же вспомнил о штабс-капитане. Вот ведь голова садовая! Зачем мучиться, если под рукой имеется человек, чья форма мне, скорее всего, подойдёт? Вернулся в гостиную. Штабс-капитан лежал там, куда я его определил, и смотрел на меня с такой ненавистью, что впору

было задуматься о собственных моральных качествах. Господин штабс-капитан, приветливо произнёс я. У меня к вам небольшая просьба. Он промычал что-то сквозь кляп. Не стоит благодарности. Я снял с него китель и брюки, после чего предоставил возможность остаться в домашней одежде. Сам же отправился в соседнюю комнату переодеваться. Китель сел почти идеально. Я застегнул пуговицы, расправил плечи и посмотрел на себя в зеркало. Неплохо. Даже очень неплохо. Выглядел я теперь как человек, который вполне мог иметь отношение к армии Российской империи. Конечно, требовалось ещё разобраться с погонами, знаками различия и прочими тонкостями. Но для первого взгляда сойдёт. Я повернулся боком. Брюки тоже подошли. Правда, лампасов не было. Ну и ладно. Не до жиру. На первое время пойдёт. Я вышел к горничной и протянул ей китель. Вот, голубушка. Нужно кое-что переделать. Она растерянно посмотрела на меня. Погоны перешить, пояснил я, указывая на плечи. И постарайтесь сделать аккуратно. Но это же... Понимаю. Вещь казённая, порядок нарушать нехорошо. Только обстоятельства у нас чрезвычайные. Сами понимаете. Горничная, кажется, ничего не понимала, но китель взяла. Я ещё раз осмотрел себя в зеркале. Ну вот. Уже лучше. Теперь я хотя бы выглядел не как случайный человек с улицы, а как военный. А в нынешнем Петрограде форма могла открыть многие двери. Правда, могла и закрыть их навсегда, если нарваться на людей, знающих своё дело. Поэтому следовало действовать осторожно. Я вспомнил о лежавшем на столе пистолете штабс-капитана и забрал его. Затем проверил карманы снятой формы. Нашлись несколько монет, носовой платок и небольшая записная книжка. Ничего особенного. Но уже кое-что. Я снова подошёл к зеркалу. В сорок лет я получил второй шанс. Впереди была страна, стоявшая на пороге величайшего потрясения. Империя трещала по швам, армия теряла управление, а люди ещё не понимали, какой ценой им придётся заплатить за грядущие перемены. И среди всего этого оказался я. Человек из будущего, который знал, чем всё закончится. Не все подробности, конечно. Я не историк и не собирался изображать из себя ходячую энциклопедию. Но общую картину представлял достаточно хорошо. И теперь передо мной стоял выбор. Попытаться затеряться среди миллионов людей и переждать бурю? Или использовать свои знания, чтобы занять место в этой эпохе? Я поправил воротник. Ладно, сказал я своему отражению. Для начала неплохо бы выяснить, что за полковник Иван Матвеевич и насколько сильно его хватятся. А потом, глядишь, и до генеральских звёзд доберёмся. Я усмехнулся. В прошлой жизни не получилось. Но кто сказал, что история обязана повториться?

Глава 4

Надев полковничий китель и застегнув верхнюю пуговицу, я поморщился. Ну и пусть, пробормотал я, разглядывая погоны. В нынешней ситуации и это сойдёт за документ. Хотя понимал, что затея сомнительная. В армии люди умеют смотреть на форму не только спереди, но и сзади, а знаки различия замечают быстрее, чем гражданские. Ошибки были неизбежны. Я торопился, обстоятельства поджимали, а времени на подготовку никто не предоставил. Полковника Ивана Матвеевича, похоже, придётся ждать долго. Город охвачен беспорядками, связь работает неизвестно как, военные части действуют кто во что горазд. Если хозяин квартиры действительно служит в штабе, то сейчас ему наверняка не до домашних дел. Господин офицер... Горничная вырвала меня из размышлений. Что ещё? Барыня просится в клозет. Я несколько секунд смотрел на неё, пытаясь осознать услышанное. Вот она, настоящая жизнь. Можно сколько угодно рассуждать о революции, будущем России и собственной роли в истории, но человеческие потребности никто не отменял. Хорошо. Пойдёмте. Я лично сопроводил хозяйку квартиры до уборной и остался ждать у двери. Военное время, как говорится. Не до сантиментов. Закрыть дверь я ей не дал, женщина посмотрела на меня с нескрываемым негодованием. Я ответил ей совершенно спокойным взглядом. Не обижайтесь, сударыня. Обстоятельства у нас чрезвычайные. Она отвернулась и зажурчала. Звук и запах вернул меня не только к реальности но и напомнил, что я еще мужчина. Поймав мой взгляд она все поняла. И пришла в ужас. Но я уже завелся и не собирался останавливаться. Я в другой эпохе и они

все давно мертвы. Так что моя совесть чиста. Скрутив ее руки я отвел в спальню и кинул на кровать. Она брыкалась и мычала. А я молча раздевался. Я достал из шкафа платки и привязал ее руки к кровати. Она пыталась лягнуть меня. Упертая дама подумал я проникая в нее. Да давно у меня не было женщины подумал я когда быстро кончил. Сходя в душ я вернулся в спальню. Оставляя ее в таком положении нельзя подумал я и развязал ей руки и усадил на стул. Вот ваше место сударыня сказал я если шелохнетесь отдам вас солдатам. Я привязал ее к стулу и вышел. Я снова уселся в кресло, положил рядом пистолет и задумался о собственном положении. Странное всё-таки дело попаданчество. В книгах герои обычно быстро привыкают к новой эпохе, обзаводятся полезными знакомствами и начинают строить светлое будущее. В реальности же я пока что добился только того, что переоделся в чужую форму, захватил квартиру и обзавёлся тремя пленниками. Результат, прямо скажем, так себе. Я посмотрел на женщину. Передо мной сидела не просто незнакомая дама. Это была представительница мира, который уже трещал по швам. Её муж служил в императорской армии, в доме имелись прислуга и дорогая мебель, а за окнами начиналась новая эпоха. Для меня всё это было историей. Для неё жизнью. И тут я вдруг поймал себя на неприятной мысли: я начал воспринимать окружающих как персонажей давно прочитанной книги. Будто их судьбы уже решены, будто они не настоящие люди, а всего лишь фигуры на шахматной доске. Удобное заблуждение. Особенно для человека, который собирается вмешиваться в ход истории. Я вспомнил знакомые слова из старой комедии о том, что некоторые люди для потомков уже мертвы. Но одно дело шутка на экране, и совсем другое живая женщина напротив, которая боится, не понимает происходящего и не знает, что принесёт ей завтрашний день. Я отвёл взгляд. Послушайте, сударыня. Мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов. Если будете сотрудничать, никто не станет причинять вам вред. Она недоверчиво посмотрела на меня. Вы обещаете? Обещаю, что не стану причинять вам вреда. Но и вы не пытайтесь устраивать неприятности. Я развязал ей руки. Затем придвинул стул и сел напротив. Итак, начнём с простого. Где сейчас ваш муж? Когда он последний раз был дома? И есть ли у него в кабинете служебные бумаги? Женщина помолчала, собираясь с мыслями. Иван Матвеевич ушёл ещё утром. Сказал, что обстановка в городе крайне серьёзная. Документы он обычно хранит в письменном столе. Прекрасно. А ключи? Она указала на небольшую связку возле шкафа. Я взял её и поднялся. Вот теперь дело приобретало хоть какие-то очертания. У меня появлялась возможность узнать больше о человеке, чью форму я носил, и о том, что происходило в штабе. Но прежде чем открыть кабинет, я задержался у окна. По улице двигалась толпа. Над головами мелькали красные ленты, кто-то размахивал газетой. Вдалеке раздались крики. Февраль 1917 года. История уже пришла за своими долгами. А я, как последний дурак, решил, что смогу просто войти в неё через парадную дверь. Я поправил погоны. Ну что ж, тихо произнёс я. Посмотрим, господин полковник, какую жизнь вы здесь устроили. И впервые за всё это время мне стало по-настоящему интересно, что же я найду за дверью его кабинета. Я повел ее с собою. Ключ подошёл со второго раза. Я открыл дверь кабинета и остановился на пороге, привычно осматривая помещение. Привычка старая, въевшаяся намертво. Прежде чем входить в незнакомую комнату, нужно понять, что тебя там ждёт. Всякие неожиданности хороши только в книгах, да и то не всегда. Кабинет был просторный. Письменный стол из тёмного дерева, два кресла, диван у стены, книжный шкаф и карта Российской империи, занимавшая почти всю стену. На подоконнике стояла пепельница, рядом лежала раскрытая газета. Я подошёл к столу. Бумаги. Много бумаг. Вот уж чего я не любил, так это чужого документооборота. В армии его хватало и в моей прежней жизни. Однако сейчас именно бумаги могли оказаться полезнее любого оружия. На верхнем листе красовалась надпись: «Штаб Петроградского военного округа». Я присвистнул. Ну здравствуй, Иван Матвеевич. Кажется, ты мне понадобишься. Сел в кресло и принялся разбирать документы. Большинство представляло собой обычную служебную переписку. Приказы, ведомости, запросы, списки частей. Но чем дальше я читал, тем меньше мне нравилось происходящее. Обстановка

в городе стремительно ухудшалась. Отдельные подразделения отказывались выполнять распоряжения командования. На некоторых предприятиях бастовали рабочие. По улицам двигались толпы, возникали столкновения, а сведения о происходящем поступали противоречивые. Особенно интересным оказался один документ. Краткое донесение о переходе солдат нескольких запасных батальонов на сторону восставших. Я отложил бумагу и потёр подбородок. Вот она, настоящая революция. Не та, что в школьном учебнике умещалась на нескольких страницах, а та, в которой никто не знает, кто завтра будет отдавать приказы и кому эти приказы вообще станут интересны. Я прекрасно помнил, чем закончится этот год. В общих чертах, конечно. До профессионального историка мне было далеко. Но февраль не станет концом потрясений. Впереди Октябрь, распад старого государства, Гражданская война и годы крови. Можно ли было что-то изменить? Вопрос хороший. Только ответить на него сейчас я не мог. Для начала требовалось выжить. Я продолжил изучать бумаги и вскоре наткнулся на личное письмо, адресованное Ивану Матвеевичу. Судя по содержанию, писал кто-то из его сослуживцев. Автор предупреждал, что положение в штабе становится крайне напряжённым, а некоторые офицеры уже задумываются о том, на чью сторону встать. Я хмыкнул. Вот и первый урок новой эпохи: когда государство начинает разваливаться, люди с погонами тоже вспоминают о собственных интересах. Впрочем, осуждать их было бы слишком просто. Я сам ещё несколько часов назад был человеком из другого века, а теперь сидел в чужом кабинете и примерял на себя чужую жизнь. Положив письмо обратно, я открыл нижний ящик стола. Там лежали документы на имя хозяйина квартиры, удостоверение, несколько фотографий и небольшой кожаный бумажник. Вот это уже представляло интерес. Я внимательно изучил удостоверение. Полковник Иван Матвеевич действительно служил в штабе Петроградского военного округа. На фотографии был изображён мужчина лет пятидесяти, плотный, с тяжёлым лицом и густыми усами. Я посмотрел на снимок, затем на собственное отражение в стекле книжного шкафа. Нет, внешне мы совершенно разные. Но форма, документы и знание обстоятельств могли дать мне небольшую фору. Главное не пытаться изображать человека, которого я никогда не видел, перед теми, кто знал его много лет. Нужно было придумать более надёжный вариант. Я убрал документы обратно и откинулся на спинку кресла. В этот момент из гостиной донёсся шум. Я мгновенно поднялся. Что ещё случилось? Вышел из кабинета и увидел, что штабс-капитан пытается подняться с пола. горничная стояла рядом, явно не зная, что делать. Сидеть! приказал я. Офицер замер. Вы не понимаете, во что ввязались, произнёс он сквозь зубы. Это уже начинает повторяться. Неужели вы не можете придумать что-нибудь поинтереснее? Вы совершили тяжкое преступление. Нападение на офицера, незаконное лишение свободы... Благодарю за юридическую консультацию. Когда закончим, выпишите мне счёт. Он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я невольно усмехнулся. Послушайте, господин штабс-капитан. Я сейчас задам вам один вопрос. И советую ответить честно. Что происходит в городе на самом деле? Не то, что пишут в газетах, и не то, что докладывают начальству. А то, что вы сами видели. Он молчал. Я не собираюсь вас допрашивать до утра. Мне нужно понять обстановку. Потом решим, что делать дальше. Вы хотите знать, кто победит? спросил он. Нет. Я хочу знать, кто сейчас контролирует улицы. Штабс-капитан впервые посмотрел на меня с некоторым интересом. Никто. Я медленно кивнул. Вот это был ответ, который мне не понравился больше всего. Потому что в такие дни власть принадлежит не тому, у кого выше чин или красивее мундир. Она принадлежит тому, кто способен заставить людей выполнять приказы. А если никто не способен начнется самое интересное. Я подошёл к окну. На перекрёстке остановилась группа солдат. Один из них что-то кричал, размахивая винтовкой. Остальные слушали, переглядывались и явно не спешили выполнять чьи-либо распоряжения. Значит, никто, повторил я. В моей прежней жизни я видел подобное. Не в революционном Петрограде, конечно, но суть была та же. Когда рушится система управления, люди сначала теряются, затем начинают искать тех, кто способен предложить им хоть какую-то определённость.

Глава 5

Вернувшись в кабинет, я усадил Елену Павловну за печатную машинку. После того как я овладел ею она надломилась и потеряла прежнюю статью. Она уже успокоилась и принимала все как свершившийся факт. Я ни кому не скажу о нашей маленькой шалости сказал я ей. Если вы будете себя хорошо вести . ни кто об этом не узнает. Она кивнула головой . Пишите, сударыня. Она посмотрела на меня с нескрываемым недоумением. Что именно писать? Я достал из папки лист гербовой бумаги и протянул ей. Елена Павловна молча заправила его в машинку, поправила валик и положила пальцы на клавиши. По велению государя императора, начал я диктовать, стараясь придать голосу ту степень казённой торжественности, которая обычно заменяет отсутствие убедительных доказательств. Его Императорского Величества Николая Александровича... Я сделал паузу, собираясь с мыслями. Предоставить предъявителю настоящего документа право беспрепятственного проезда на железнодорожном транспорте по территории Российской империи, а также оказывать ему всяческое содействие со стороны военных и гражданских властей. Елена Павловна печатала быстро, но на последней фразе остановилась. А кому именно предоставляется это право? Предъявителю документа, сударыня. Неужели я так невнятно диктую? Она подняла на меня глаза. В них мелькнуло что-то похожее на возмущение, но тут же исчезло. А ваше имя? Его мы пока оставим за скобками. Но ведь без имени... Без имени, сударыня, иногда живётся гораздо спокойнее. Я обошёл стол и проверил текст. Для человека, который ещё несколько часов назад не знал, в каком году находится, документ получался вполне солидный. Не хватало только подписи какого-нибудь высокопоставленного чиновника, печати и, желательно, самого государя в качестве свидетеля. Впрочем, последнего я бы предпочёл не беспокоить. Теперь ниже, продолжил я. «Документ выдан для исполнения особого поручения, имеющего государственную важность. Всем должностным лицам надлежит оказывать предъявителю необходимое содействие, не чинить препятствий и воздерживаться от задержания без особого распоряжения вышестоящего начальства». Вы действительно полагаете, что это сработает? тихо спросила Елена Павловна. Нет, сударыня. Я полагаю, что это может сработать. Разница существенная. Я надиктовал ей ещё несколько документов на все случаи жизни. Я взял их, перечитал написанное и остался почти доволен. В конце концов, в армии многое держалось не на документах, а на уверенности человека, который их предъявлял. Если сам обладатель бумаги начинал мямлить и объясняться, его можно было брать голыми руками. Если же он смотрел на окружающих так, словно они уже опоздали выполнить приказ, иногда удавалось добиться желаемого. Я знал этот механизм. Сам не раз пользовался им в другой жизни. Теперь оставьте место для подписи и печати. Чьей подписи? Вот это, Елена Павловна, как раз тот вопрос, над которым мне предстоит подумать. Я сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман мундира. Бумага была не пропуском, а всего лишь удачно оформленной наглостью. Но в городе, где вчерашние начальники уже не могли поручиться за завтрашний день, наглость порой стоила дороже настоящей печати. Из прихожей снова донёсся стук. Откройте! Штаб Петроградского военного округа! Я посмотрел на Елену Павловну. Скажите, сударыня, ваш супруг часто принимал посетителей без предупреждения? В последние дни постоянно. Прекрасно. Значит, у нас есть шанс, что это всего лишь очередной проситель, а не люди, пришедшие выяснить, почему полковник Иван Матвеевич перестал отвечать на звонки. Она побледнела. Я поправил погоны, проверил пистолет под кителем и направился к двери. Что ж. Пора было проверить, сколько в этой эпохе весит бумага, сколько чин, а сколько наглая физиономия человека, который совершенно не собирался объяснять, откуда он взялся.

Глава 6

Но, подойдя к двери, я бросил взгляд на свои погоны не по рангу и решил не испытывать судьбу. Накинул предусмотрительно висевшую шинель, застегнул пуговицу и только после этого открыл дверь. На пороге стоял солдат . Здравия желаю, господин штабс-капитан! выпалил он, вытянувшись по стойке смирно. Велено провизию доставить. Я невольно усмех-

нул. Значит, шинель скрыла мои погоны, а остальное солдату было неинтересно. Впрочем, чего ещё ожидать от человека, которому приказали доставить ? Не разглядывать начальство, а доставить ящики. Хорошо, заноси. Солдат шагнул в квартиру и поставил груз в коридоре. Следом он принёс ещё два ящика, аккуратно придвинул их к стене и выпрямился. Всё, господин штабс-капитан. Три ящика. И керосин. Принято. Ступай. Есть! Он отдал честь, развернулся и исчез за дверью. Я проводил его взглядом, подождал, пока стихнут шаги на лестнице, и осторожно прикрыл дверь. Вот так. А я уже приготовился к визиту представителей штаба. Видимо, революция пока не добралась до снабжения, и это было едва ли не самым обнадеживающим обстоятельством за весь день. Я присел возле ящиков и осмотрел их. На одном мелом было выведено: Тушенка. Елена Павловна! позвал я. Она появилась в дверях прихожей. Вид у неё был такой, будто каждый новый звук в квартире прибавлял ей седых волос. Это обычная доставка? спросил я, указав на ящики. Она взглянула на них и медленно кивнула. Иван Матвеевич заказывал продукты для дома. В последние дни из-за беспорядков стало трудно достать самое необходимое. Он распорядился запастись заранее. Предусмотрительный человек ваш супруг. Я поднялся и вытер ладони о брюки. Продукты были хорошей новостью. А вот то, что штабс-капитана могли искать, или сменить, ведь он явно оставлен для охраны. Новостью куда менее приятная. Значит, пока никто не поднял тревогу. Или поднял, но не там, где следовало. Надо было уходить из квартиры. Но что там на улице ? . Нет лучше останусь подумал я. Здесь у меня хоть какая то опора и понятность ситуации. А на улице хаос. Под какой замес попадешь и сам не знаешь. Солдат вернётся и доложит что провизию доставил. Значит все в порядке. Что в ящиках? спросил я. Не знаю. Я не занималась закупками. Тогда посмотрим. Первый ящик оказался набит хлебом, сухарями и несколькими свёртками. Во втором обнаружили крупу, консервы. Ничего необычного. Третий содержал мясо и разные деликатесы. Я отложил в сторону пару буханок и посмотрел на Елену Павловну. Хорошо. У нас есть еда, крыша над головой и несколько часов форы. Теперь расскажите мне, как отсюда добраться до ближайшей железнодорожной станции. Она удивлённо подняла глаза. Вы собираетесь уехать из Петрограда? Я собираюсь оставить за собой возможность уехать из Петрограда, поправил я. Это две большие разницы. За окном раздались крики. Где-то на улице протяжно свистнули, затем слышались торопливые шаги и несколько глухих ударов. Город постепенно сбрасывал прежнюю кожу, и мне совсем не хотелось оказаться под ней, когда начнётся самое интересное. Я посмотрел на шинель, на спрятанные под ней погоны полковника. Нет подумал я к выходу я еще не готов. Что ж, штабс-капитаном я уже побывал. Теперь оставалось выяснить, кем придётся стать дальше, чтобы пережить этот день. Расскажите мне, голубушка, произнёс я как можно миролюбивее, почтамы или банки в окрестностях имеются? Елена Павловна задумалась, стараясь припомнить расположение улиц. Банк, кажется, недалеко. А вот почтамы... туда придётся ехать. По крайней мере, я всегда ездила туда на извозчике. Уже кое-что. А теперь давайте поступим проще. Я усадил её за стол, положил перед ней чистый лист бумаги и подвинул чернильницу с пером. Рисуите. Она недоумённо посмотрела на меня. Что именно? Ваш дом, улицу, ближайшие перекрёстки. Отметьте, где находится банк, где почтамы, а также как отсюда добраться до железнодорожного вокзала. Чем точнее, тем лучше. Но я не знаю расстояний... Тогда рисуите на глаз. Мне сейчас нужна не карта Генерального штаба, а хотя бы приблизительное представление о местности. Елена Павловна взялась за перо. Я отошёл к окну, прислушиваясь к уличному шуму. Город словно лихорадило: где-то кричали, где-то гремели шаги, а временами доносился протяжный свист. Всё это пока оставалось за стенами дома, но рассчитывать на долгое спокойствие было бы наивно. За спиной слышалось шевеление. Штабс-капитан, до этого сидевший относительно смирно, вдруг принялся ёрзать на стуле и что-то невнятно бормотать. Господин штабс-капитан, сказал я, не оборачиваясь, будьте добры, прекратите изображать мебель, которая решила самостоятельно передвинуться. Он замолчал, но ненадолго. Я вздохнул, подошёл к нему, взялся за спинку стула и оттащил

его в соседнюю комнату. Стул скрипел по паркету, штабс-капитан сердито сопел. Наконец я поставил его у стены в соседней комнате и надавал ему тумаков. Чтоб жизнь не казалась малиной. И вернулся к Елене Павловне. Вот теперь нам никто не мешает. Она бросила на меня короткий взгляд, но ничего не сказала и вновь склонилась над бумагой. Рисовала она, надо признать, хорошо. Линии были уверенными, улицы располагались вполне логично, а важные здания она отмечала отдельно, добавляя пояснения. Видно было, что когда-то её учили не только красиво держать спину и поддерживать светскую беседу. Возможно, она брала уроки рисования, а может, просто обладала хорошей пространственной памятью. Я наклонился над листом. Банк действительно находился неподалёку. До почтамта путь предстоял подлиннее, а вокзал располагался довольно далеко пешком добираться было неудобно, особенно если улицы уже заполнялись патрулями и вооружёнными солдатами. Я выпрямился и ещё раз внимательно изучил рисунок. Прекрасно, сударыня. Вы мне очень помогли. Что вы собираетесь делать? спросила она. Я не спешил отвечать. В голове постепенно складывался план, хотя называть его планом было пока слишком щедро. Скорее, предварительная диспозиция: несколько ориентиров на карте, ограниченный запас времени и целый город, в котором привычные правила могли перестать действовать в любую минуту. Банк. Почтамт. Вокзал. Деньги, связь и возможность покинуть город. Три вещи, без которых в чужой эпохе можно было очень быстро превратиться из офицера с большими амбициями в очередного безымянного трупа на мостовой. Ну что ж. Диспозиция ясна. А это уже располагало к действию.

Глава 7

На дворе еще стояла ночь, и меня наконец начало клонить в сон. Организм, которому за последние часы достались приключения на несколько недель вперёд, настойчиво требовал отдыха. А я давно усвоил простую истину: уставший человек способен совершить такую глупость, которую потом не исправит даже самый подробный план. Сначала следовало разобратся с пленниками. Я по очереди отвёл штабс-капитана и горничную в уборную, не забывая держать их под контролем, а затем снова связал. Оставлять их свободными было рискованно, но и держать людей связанными до утра, не дав им даже выполнить естественные надобности, я не собирался. В конце концов, я всё-таки офицер, а не тюремный надзиратель. Закончив, я проверил узлы и убедился, что самостоятельно освободиться они не смогут. Затем забрал с собой пистолет, и вернулся в гостиную. Карта, нарисованная Еленой Павловной, лежала на столе рядом с гербовой бумагой. Я сложил её и убрал во внутренний карман шинели. Спать в чужом доме, где охранник связан в соседней комнате, а его жена напугана до полусмерти, было, мягко говоря, не самым приятным занятием. Но выбирать не приходилось. Взяв Елену Павловну под руку я повел ее в спальню. Но перед дверью она взбрыкнулась. Я приставил к ее лицу пистолет и прошептал. Буде то сопротивляться я вас раздену перед штабс капитаном. Она вздрогнула представив свою участь и прекратила сопротивление. Я помог ей улечься на кровать и лег рядом. Она дрожала как осенний лист. Но я просто укрыл ее и поцеловал в щеку. Перед тем как закрыть глаза, ещё раз прокрутил в голове события дня. Двадцать седьмое февраля тысяча девятьсот семнадцатого года. Петроград. Беспорядки, ненадёжные части гарнизона, растерянное командование. До отречения Николая Второго оставалось совсем немного времени, хотя в моей прежней жизни эта дата была всего лишь строкой в учебнике истории. Теперь же от правильности каждого решения зависело, доживу ли я до следующей главы собственной биографии. Ну что ж, господин путешественник во времени, пробормотал я в темноту. Завтра займёмся деньгами, связью и поиском дороги отсюда. Пистолет лежал рядом. Дверь была подпёрта ящиком с продуктами. За окном шумел беспокойный город. Я закрыл глаза. И впервые за весь этот безумный перенос во времени позволил себе уснуть. Проснулся я от её голоса. Мне нужно в клозет, сонно произнесла Елена Павловна. Я открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Потом память услужливо вернула меня в действительность: Петроград, февраль семнадцатого года, чужая квартира, связанные хозяин

дома и горничная, а за окном вот-вот должна была разыгаться история, о которой в моём времени писали толстые учебники. Хорошо, сударыня. Идёмте. Поднявшись с кровати, я поправил одежду, проверил пистолет и проводил её до уборной. Дождавшись, пока она закончит, отвлёк обратно в спальню. Всё это время Елена Павловна молчала, лишь изредка бросая на меня настороженные взгляды. В комнате было холодно. За ночь квартира выстыла, и я невольно пожалел, что не догадался заранее позаботиться о дровах. Или что там у них использовалось для отопления. Впрочем, в моей нынешней ситуации холод был далеко не главной неприятностью. Я подошёл к окну и осторожно отодвинул край занавески. На улице царила предрассветная тишина. Фонари ещё горели, небо оставалось тёмным, и лишь на востоке угадывалась едва заметная светлая полоса. Город будто затаил дыхание перед новым днём. Который час? спросила Елена Павловна. Рано. Ещё не рассвело. Я опустил занавеску и посмотрел на часы. Стрелки приближались к пяти. Значит, у меня оставалось немного времени, чтобы привести себя в порядок, обдумать дальнейшие действия и выйти на улицу до того, как город окончательно проснётся. Сегодня предстояло добраться до банка. Деньги в чужой эпохе лишними не бывают, особенно когда у тебя ни документов, ни знакомых, ни малейшего представления о том, чем закончится ближайшая неделя. Попробуйте ещё немного поспать, сударыня, сказал я. Утром нам предстоит серьёзный разговор. Она ничего не ответила и отвернулась к стене. А я вернулся в кабинет, сел на край дивана и снова достал нарисованную карту. Предрассветная тишина обманчива. В такие часы кажется, будто весь мир спит и у тебя есть время подготовиться. Но в феврале семнадцатого года Петроград уже давно жил по собственным правилам. И я начинал подозревать, что скоро мне придётся учиться им заново. Увидев патефон я поставил пластинку. Квартира наполнилась звуками. Я проверил штабс капитана. Он не спал. Я проверил его путы и заткнул ему уши ватой. Вернувшись в спальню застал там Елену Павловну под одеялом. Сапоги ее стояли у кровати. Я залез под одеяло и прижался к ней. Она вздрогнула и прошептала не надо. Эх если бы она знала, что нельзя мужчинам говорить такие слова. Руки сами потянулись к ее телу. Она убирала их сопротивляясь. Еще одно движение прошептал я ей и я приведу сюда капитана и он будет свидетелем. Она замерла. Я разделся неспеша и раздел ее. Она испуганно куталась в одеяло. Я присоединился к ней прижавшись к ее голому телу и мы быстро согрелись. Я возбудился и уперся в ее тело. Она не отодвинулась но тяжело дышала. Я нежно взял ее. Целуя и лаская ее тело. И даже почувствовал ее ответный поцелуй. И так мы уснули. Проснулся от шума в трубе. В комнате стало гораздо теплее. Значит пришел истопник подумал я. Окна уже осветились но было пасмурно.

Глава 8

Она тоже проснулась и теперь внимательно рассматривала меня. Видимо, за ночь немного пришла в себя и наконец решилась задать вопросы, которые давно её мучили. Кто вы? осторожно спросила она. На грабителя вы не похожи. Что вы задумали? Вы ведь не хотите причинить Ивану Матвеевичу что-нибудь худое? На последних словах её глаза наполнились ужасом. Нет, нет, голубушка, успокойтесь, сказал я, стараясь говорить как можно мягче. Вашему супругу ничего не угрожает. Мне просто необходимо здесь переждать некоторое время. Меня разыскивает полиция. Полиция? переспросила она едва слышно. Именно. Но я не бандит, не душегуб и не какой-нибудь уголовник. Я политический. Понимаете? Она помедлила, перебирая услышанное, затем медленно кивнула. Кажется, объяснение показалось ей вполне правдоподобным. На дворе стоял тысяча девятьсот семнадцатый год, в столице происходили беспорядки, а политические неблагонадёжные личности, судя по всему, имелись в достаточном количестве. Значит, вы против правительства? спросила она. Скажем так, у меня с некоторыми представителями власти возникли разногласия. Всё-таки формулировать нужно было осторожно. Одно дело обмануть человека, другое наговорить лишнего и самому запутаться в собственных показаниях. Если вы будете вести себя благоразумно, продолжил я, с вашим мужем всё будет в порядке. Мне не нужны ни его деньги, ни его имущество. Мне необходимо

лишь немного времени, чтобы разобраться в обстановке и решить, что делать дальше. Елена Павловна внимательно посмотрела на меня, словно пыталась понять, можно ли верить моим словам. Хорошо, наконец произнесла она и кивнула. Я не стал требовать от неё большего. Доверие, полученное под давлением, дорогого не стоит, а вот спокойствие в доме было мне сейчас необходимо. Я подошёл к окну и приподнял край занавески. За стеклом всё ещё царил полумрак. До рассвета оставалось совсем немного. А теперь, сударыня, расскажите мне одну вещь, произнёс я, не оборачиваясь. Если сегодня на улицах станет ещё хуже, кто в городе будет отдавать приказы? Военные? Полиция? Или уже никто? За спиной повисла тишина. И по этой тишине я понял, что вопрос задал правильный. Но ответ на этот вопрос знал только я. Эх, если бы она знала, что ждёт Россию в ближайшие годы! Если бы могла заглянуть хотя бы на несколько месяцев вперёд, то, наверное, уже сейчас собирала бы чемоданы и искала билеты за границу. Я ещё немного постоял у окна, глядя на просыпающийся город, а потом повернулся к Елене Павловне. Знаете, сударыня, я тут подумал: нехорошо оставлять вас в неведении. Вы, конечно, можете принять мои слова за бред сумасшедшего или решить, что я окончательно повредился рассудком, но всё же выслушайте меня до конца. Она насторожилась. Я не тот, за кого себя выдаю. И дело не только в том, что меня разыскивает полиция. Я... из будущего. Елена Павловна несколько секунд смотрела на меня, не произнося ни слова. Из будущего? наконец переспросила она. Да. Из времени, которое наступит через много лет. И поверьте, я бы с удовольствием проснулся однажды утром в своей постели, а не оказался здесь, в Петрограде, в феврале тысяча девятьсот семнадцатого года. Я присел напротив неё. Послушайте меня внимательно. Россию ждёт крах. Не завтра и не через неделю, но в ближайшие месяцы положение станет настолько тяжёлым, что прежняя жизнь закончится для миллионов людей. Империя, к которой вы привыкли, прекратит существование. Будут перевороты, кровь, гражданская война. Начнутся голод, разруха и преследования. Люди, которые сегодня занимают высокие должности и считают себя хозяевами жизни, завтра могут потерять всё. Я замолчал, подбирая слова. Ведь как объяснить человеку, что его мир обречён, если сам он ещё не видит никаких признаков неизбежной катастрофы? Особенно когда речь идёт не о предсказании гадалки, а о событиях, которые для меня давно стали историей.

Поэтому я советую вам, Елена Павловна, не ждать, пока всё это начнётся. Поговорите с мужем. Заберите деньги, драгоценности, документы всё, что сможете унести или перевести за границу. И уезжайте. В Париж, в Америку куда угодно, где вы сможете спокойно жить. Она побледнела. Но мой муж служит государю. Он офицер. Он не может просто взять и уехать! Может. Просто пока не понимает, что должен это сделать. А вы откуда знаете? спросила она. Откуда вам известно, что всё будет именно так? Вот тут я и попал в затруднительное положение. Попробуй докажи человеку из прошлого, что ты действительно пришёл из будущего. Рассказать о событиях, которые ещё не произошли? Назвать даты? Предсказать падение монархии? Всё это можно принять за политические слухи, смелые догадки или хорошо продуманную провокацию. Потому что я всё это уже знаю, ответил я. Для меня это прошлое. Для вас будущее. Елена Павловна опустила глаза. Некоторое время она молчала, потом спросила: И вы действительно думаете, что нам следует бросить всё и бежать? Я думаю, что вам следует хотя бы рассмотреть такую возможность. У вас есть преимущество перед большинством людей в этой стране: вы ещё можете уехать до того, как дороги окажутся перекрыты, а границы закроются для тех, кому не повезло. Деньги за границей, недвижимость во Франции или Америке, спокойная жизнь вдали от всего этого безумия поверьте, это куда лучше, чем оказаться в центре гражданской войны. Я чуть помедлил и добавил: Купите поместье, заведите сад, принимайте гостей, старейте в своё удовольствие. Доживите до глубокой старости. Я ведь не предлагаю вам совершить подвиг. Я предлагаю вам выжить. Она смотрела на меня так, будто перед ней сидел не человек, а привидение, которому по какой-то ошибке позволили задержаться в нашем мире. Впрочем, я её понимал. На её месте я тоже не поверил бы первому встречному, явившемуся с

рассказами о будущем. Тем более одетому в чужой мундир, вооружённому пистолетом и запершему её мужа в соседней комнате. Я не могу принять такого решения сама, тихо произнесла она. Разумеется. Поговорите с Иваном Матвеевичем. Только постарайтесь убедить его хотя бы выслушать вас. И ещё, сударыня... Я посмотрел ей прямо в глаза. Не ждите, пока всё станет очевидным. Когда катастрофа становится очевидной для всех, спастись обычно уже поздно. Лицо ее стало милым и нежным. Да подумал я. Давно у меня не было женщины. Она поймала мой взгляд и уже не испугалась. Перед ней уже был не разбойник, а человек из будущего. Я обнял ее и притянул к ее груди. Она обняла меня и притянула к себе. По ходу секса с путешественником по времени у нее не было и ей было любопытно. А как там у вас в будущем спросила она. Я протиснулся ей между ног и ответил. Там все хорошо. Есть заводы и пароходы. Но царя уже нет. Как нет удивилась она. Царя убьют через год. Она ахнула прижав ладошки к щекам. Убьют не только царя но и всю его семью. А как же Россия спросила она. России не будет ответил я правду. Власть захватят рабочие и крестьяне и семьдесят лет будут владеть. А что потом спросила она сгорая от любопытства. Я проник в нее и поцеловал в губы. Она ответила и улыбнулась. Теперь для нее я был не мужчиной, а человеком из будущего. А значит она не изменяет мужу в реальной жизни и совесть ее была чиста. Она обняла меня и притянула к себе. В ней проснулась женщина. Мы сделали это тихо, потому что пластинка уже закончилась. И в доме стояла тишина. нарушаемая только стуком лопаты в трубе и треском расширяющего метала. От горячих труб. Получив удовольствие мы просто ласкали друг друга. А как же остальные люди? Если ты имеешь ввиду господ ответил я переходя на ты. То многих убьют и заберут все богатства. И только единицам удастся сбежать из России. Но и те кто сбежал. Будут ждать что это временно и растратят свое богатство и умрут в нищете. Поэтому как только уедете за границу покупайте бизнес. Потому что обратной дороги не будет. Она поцеловала меня в губы и произнесла спасибо тебе. Ты нам послан богом. Ты ангел небесный. Спаситель наш и благодетель. Я все сделаю что бы уехать из этого хаоса и революции.

Глава 9

В окне уже рассвело. Сквозь разрывы в облаках пробивались солнечные лучи, освещая крыши соседних домов. Город просыпался, словно ничего особенного не происходило и впереди его ждал самый обыкновенный февральский день. Мы привели себя в порядок. Я освободил горничную, после чего та, не задавая лишних вопросов, отправилась готовить завтрак и разбирать продукты. Видимо, привычка служить брала своё даже в столь необычных обстоятельствах. Елена Павловна и вовсе преобразилась. Она порхала по квартире, помогая Глаше расставлять провизию, давала указания, куда что убрать, и то и дело поглядывала на меня с каким-то заговорщическим весельем. Глаша, а представь себе, что скоро никаких господ не будет! Как тебе такая жизнь? Горничная замерла с буханкой хлеба в руках. Бог с вами, барыня! Да как же это без господ-то? искренне удивилась она. А кто же тогда приказывать будет? Вот именно! радостно воскликнула Елена Павловна, бросив на меня лукавый взгляд. Никто! Будешь сама себе и госпожой, и служанкой! Глаша так впечатлилась этой перспективой, что едва не присела прямо на паркет. Некоторое время она молча переваривала услышанное, потом осторожно спросила: А жалованье-то кто платить будет? Вот тут веселье Елены Павловны слегка поубавилось. Она посмотрела на меня с таким выражением, словно именно я и должен был знать ответ на этот важнейший вопрос грядущего мироустройства. Что ж, в определённом смысле так оно и было. Я не стал идеализировать будущее и изображать из себя пророка, обещающего всеобщее благоденствие. Никто платить не будет, ответил я. По крайней мере, далеко не всем. Работать придётся за еду, а там уж как повезёт. Глаша нахмурилась, явно не найдя в моих словах ничего обнадеживающего. Так это ж хуже, чем сейчас! пробормотала она. Нынче хоть жалованье получаю, и то не всегда вовремя. Елена Павловна посмотрела на неё, потом на меня, словно пыталась разобраться в какой-то сложной арифметической задаче. Однако уже через мгновение на её лице вновь появилось торжествующее выражение. Вот так

вам и надо, революционерам! объявила она. Хотели, чтобы всё было по-новому? Вот и получайте! Я едва удержался от смешка. Сударыня, не спешите радоваться. Революция дама крайне непредсказуемая. Сегодня она обещает свободу одним, завтра отбирает имущество у других, а послезавтра выясняется, что никто толком не понимает, кому теперь подчиняться и кто за что отвечает. Но вы же сами сказали, что господ не будет! Я сказал, что привычный порядок рухнет. Это не совсем одно и то же. Я взял со стола кусок хлеба, осмотрел его и отломил ломоть. Впрочем, лекции о будущем можно было отложить. Завтрак сам себя не съест, да и желудок после бессонной ночи уже настойчиво напоминал о своём существовании. Глаша тем временем продолжала смотреть на меня с подозрением. А вы, господин, сами-то кем будете, когда господ не станет? Вопрос оказался неожиданно метким. Я положил хлеб на тарелку и усмехнулся. Вот это, голубушка, я и собираюсь выяснить. Потому что одно дело знать историю своей страны по книгам, и совсем другое оказаться внутри неё, причём без документов, без денег и даже без собственного мундира. И судя по всему, завтрак был последним, что сегодня обещало мне относительное спокойствие. После завтрака я запер штабс-капитана в кабинете, а Глашу, к её великому неудовольствию, снова связал. Оставлять их обоих на свободе мне казалось несколько опрометчивым. Впрочем, я уже начинал понимать, что в этой эпохе любое решение имело свои недостатки, а идеальных выходов из положения не существовало вовсе. Зазвонил телефон. Елена Павловна вопросительно посмотрела на меня. Возьми телефон сказал я ей спокойно. Она подошла и подняла трубку да . здравствуй дорогой. Да у нас все хорошо . Как ты ? Не можешь приехать. Хорошо. Да буду беречь себя . Да . Егор Петрович охраняет нас . Спасибо. Положив трубку она победно и заговор чёски посмотрела на меня. Вот и молодец похвалил я ее. А теперь можно и отдохнуть сказал я и связав горничную и заперев капитана в кабинете. Мы с Еленой Павловной оделись и отправились в сторону банка. На улице было светло, но спокойнее от этого не становилось. Люди спешили по своим делам, лавочники открывали двери, а на перекрёстках небольшими группами стояли солдаты. Некоторые были вооружены винтовками, другие курили и оживлённо спорили, поглядывая на прохожих. У входа в банк стоял полицейский. Я невольно отметил это обстоятельство. Значит, власть ещё не исчезла окончательно. По крайней мере, кто-то продолжал нести службу и охранять имущество. Это было обнадеживающее, хотя и ненамного. Один полицейский у двери банка ещё не означал, что город контролируют. Мы прошли по улице, прикидывая обстановку. На нескольких перекрёстках остались баррикады, сложенные из досок, телег и перевёрнутых повозок. Где-то на площади горели костры, возле которых грелись солдаты. Чуть поодаль стояла кучка зевак, обсуждавших последние новости. Слова доносились обрывками: гарнизон, приказ, министры, Государственная дума... Словом, обычный набор для государства, которое ещё вчера считало себя прочным, а сегодня уже не было уверено, кто отдаёт распоряжения и кто обязан их исполнять. Неужели всё так серьёзно? тихо спросила Елена Павловна, когда мы обошли очередную баррикаду. Сударыня, если на улицах столицы стоят вооружённые солдаты, а жители строят заграждения из собственных повозок, значит, положение несколько отличается от обычного воскресного беспорядка. Сегодня ведь не воскресенье. Тем более. Она посмотрела на меня с укором, но ничего не ответила. Я остановил извозчика, и мы поехали дальше. Мне хотелось увидеть город собственными глазами, а не довольствоваться рассказами перепуганной женщины и бумагами из кабинета полковника. Карта картой, а реальная обстановка всегда вносит свои поправки в диспозицию. Извозчик правил лошадью осторожно, объезжая скопления людей и подозрительные места. Несколько раз мы останавливались, пропуская солдатские группы. Никто нас не задерживал, но я старался не привлекать лишнего внимания. Шинель сидела на мне хорошо, погоны оставались скрытыми, а Елена Павловна вела себя так, словно совершала обыкновенную утреннюю прогулку. Наконец я велел извозчику остановиться возле ресторана. Заведение выглядело вполне прилично. У входа стоял швейцар, окна были чистыми, а изнутри доносились приглушённые голоса. Я рас-

платился с извозчиком, помог Елене Павловне выйти и пропустил её вперёд. Внутри оказалось тепло. Пахло жареным мясом, свежим хлебом и дорогим вином. Несколько посетителей сидели за столиками, негромко беседуя. Кто-то читал газету, кто-то обсуждал происходящее в городе, но стоило нам появиться, как разговоры за ближайшими столами на мгновение стихли. Мы заняли столик у окна. Елена Павловна, сказал я, когда официант подал меню, запомните этот день. Она подняла на меня глаза. Почему? Потому что, возможно, это ваш последний спокойный обед в старом Петрограде. В городе, который вы знали и к которому привыкли. Скоро многое изменится, и далеко не всё к лучшему. Я не собирался превращать обед в политическое собрание. Поэтому заказал самые дорогие блюда из меню, а затем попросил принести лучшее шампанское, какое у них имелось. Вы собираетесь праздновать? удивилась Елена Павловна. Нет. Просто если уж мир решил перевернуться вверх ногами, то хотя бы пообедаем перед тем, как он окончательно это сделает. Она неожиданно рассмеялась. Впервые за всё время нашего знакомства её смех прозвучал естественно, без той нервной дрожи, которая сопровождала почти каждую нашу беседу. Вы удивительный человек. Это мне уже говорили. И что же вы намерены делать дальше? Я посмотрел в окно. По улице проходила группа солдат, один из них нёс винтовку на плече, другой что-то оживлённо рассказывал товарищам. На углу по-прежнему дымились угли костра. Для начала пообедаем, ответил я. Затем займёмся банком, деньгами и документами. А после решим, куда направиться. Официант принёс шампанское. Я дождался, пока он разольёт его по бокалам, и поднял свой. За будущее, Елена Павловна. Она тоже подняла бокал. За будущее, повторила она. Ее пленило, что она тоже стала участницей этого процесса. Мы выпили. Шампанское оказалось превосходным. Жаль только, что я слишком хорошо знал, каким это будущее будет для России. И чем дольше я смотрел на оживлённую улицу, тем сильнее укреплялся в мысли, что отсюда надо выбираться как можно скорее. Историю я знал. Но теперь у меня была возможность не просто наблюдать за ней со стороны, а попытаться изменить хотя бы несколько человеческих судеб. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли у меня на это ума, времени и удачи.

Глава 10

Мы хорошо провели время. За обедом выпили ещё немного шампанского, поговорили о пустяках, и на какое-то время Елена Павловна словно забыла обо всех моих предупреждениях. Она рассказывала о знакомых, о поездках за границу, о театральных премьерах и о том, как Иван Матвеевич однажды умудрился опоздать на собственный юбилей. Я слушал, изредка вставляя замечания, и даже поймал себя на мысли, что давно не проводил время настолько непринуждённо. Расплатившись, мы наняли извозчика и отправились домой. У подъезда я отпустил кучера, помог Елене Павловне выйти и открыл дверь своим ключом, который предусмотрительно забрал ещё утром. В квартире стояла тишина. Из соседней комнаты доносилось какое-то недовольное шевеление судя по всему, штабс-капитан всё ещё не оставил надежды на освобождение. Ну что ж, сударыня, сказал я, снимая шинель, теперь немного музыки. Я отыскал патефон, покрутил заводную ручку и поставил пластинку. Комнату наполнили звуки старого вальса. И тут произошло удивительное превращение. Ещё минуту назад квартира казалась убежищем загнанных людей, переживающих грозу. Теперь же она ожила. Музыка заполнила комнаты, солнечные лучи легли на паркет, а на столе остались бокалы, тарелки и недоеденные сладости, привезённые из ресторана. Елена Павловна улыбнулась. Господи, когда я в последний раз слышала эту пластинку! Значит, сегодня у нас день воспоминаний, ответил я. Пользуйтесь случаем. Не каждый день выпадает возможность послушать хороший вальс в обществе сомнительного политического деятеля. Она рассмеялась. Вы всё-таки необыкновенный человек. Просто стараюсь не унывать. От уныния, знаете ли, никакой пользы. Особенно когда не имеешь ни документов, ни собственного мундира, ни малейшего представления о том, что принесёт следующий день. Елена Павловна подошла к патефону, осторожно поправила иглу и прислушалась к мелодии. Потом протянула мне руку. Потанцуем? Я посмотрел на неё с неко-

торым удивлением. После всего пережитого предложение выглядело неожиданным, но отказывать я не стал. Извольте, сударыня. Мы вышли на середину комнаты. Я когда-то умел танцевать, хотя в моей прежней жизни поводов для этого было немного. Армия приучила меня к маршевому шагу, строевой подготовке и бегу с полной выкладкой, а вот вальс пришлось вспоминать на ходу. Тем не менее получалось неплохо. Несколько минут мы кружились под музыку, и квартира действительно наполнилась праздником. За окном по-прежнему тревожно шумел Петроград, где-то далеко слышались выкрики, но здесь, в этих стенах, словно существовал другой мир мир старой России, которая ещё не знала, что её прежняя жизнь уже заканчивается. Когда пластинка остановилась, Елена Павловна посмотрела на меня с грустью. Неужели всё это действительно исчезнет? Я не сразу ответил. Дома останутся, сударыня. Улицы тоже. Люди будут жить, любить, ссориться, растить детей. Но многое изменится. И далеко не каждый сумеет приспособиться к новым временам. Из соседней комнаты послышался громкий стук. Мы одновременно повернули головы. Вальс закончился. Вместе с ним закончилась и наша маленькая иллюзия спокойствия. Я вздохнул, поправил рукава и направился к двери. Похоже, наш штабс-капитан тоже желает принять участие в празднике. Но он просто хотел в туалет. Я сводил его по нужде и дал немного воды, а затем вернул его на место. Зазвонил телефон. Елена Павловна на мгновение посмотрела на аппарат, затем, к моему удивлению, совершенно смело подошла и сняла трубку. Алло! Да, я слушаю. Я остался у патефона, делая вид, что занят пластинками, хотя, разумеется, прислушивался к разговору. Впрочем, услышать вторую сторону мне не удалось телефонный провод, к сожалению, не обладал свойствами шпионского оборудования. Иван Матвеевич! Наконец-то! воскликнула она. Мы уже начали беспокоиться. Далее последовал довольно долгий монолог с её стороны. Она слушала, иногда вставляла короткие замечания и несколько раз озабоченно качала головой. Да, я понимаю... Конечно, служба прежде всего... Нет, дорогой, я не упрекаю тебя. Я приподнял бровь. Вот это перемена! Ещё вчера, судя по её рассказам, слово «служба» вызывало у мужа почти религиозное благоговение, а теперь супруга, похоже, научилась смотреть на вещи несколько иначе. Елена Павловна выслушала очередную реплику и сказала: Хорошо. Будем ждать. Только, пожалуйста, береги себя. После этого она ещё немного поговорила с мужем, сообщила, что дома всё в порядке, и положила трубку. Затем медленно повернулась ко мне. На её лице появилась заговорщицкая улыбка. Иван Матвеевич сообщил, что не может оставить службу. Город объявлен на военном положении, в штабе неразбериха, и офицерам приказано оставаться на местах. Он просил прощения, что не сможет приехать сегодня, но обещал вернуться к утру. Как трогательно, заметил я. Времена рушатся, а семейные обещания остаются неизменными. Она тихо рассмеялась. Вы напрасно иронизируете. Мой муж человек слова. Не сомневаюсь, сударыня. Именно поэтому я бы предпочёл, чтобы он вернулся в добром здравии и без лишних свидетелей. Елена Павловна посмотрела на меня с лукавым выражением. А вы всё ещё собираетесь уехать? Разумеется. Я ведь обещал вам рассказать, как выглядит будущее, а не поселиться у вас навсегда. Жаль, неожиданно произнесла она. Я посмотрел на неё внимательнее, но она уже отвернулась к столу. Что ж, раз Иван Матвеевич задерживается, предлагаю не пропадать добру, сказала она. Ужинать будем? Наконец-то разумное предложение! Мы принялись накрывать на стол. На этот раз Елена Павловна обходилась без прежней растерянности и суетливости. Она распоряжалась уверенно, с удовольствием выбирала блюда, а я помогал, чем мог. Вскоре на столе появились хлеб, холодное мясо, сыр, фрукты и остатки ресторанных сладостей. Патефон снова заиграл. Вечер постепенно входил в свои права, и квартира вновь наполнялась домашним уютом. Я налил себе немного вина, но пить много не стал. После пережитой ночи, прогулки по беспокойному городу и всех разговоров о будущем голова и без того была полна забот. Знаете, сказала Елена Павловна, раскладывая по тарелкам мясо, ещё вчера я бы сочла всё происходящее здесь сущим безумием. А сегодня? Сегодня я уже не уверена, что безумие это именно то, что происходит у нас в квартире. Прекрасно. Значит, способность мыслить здраво у вас сохра-

нилась. Она снова улыбнулась, и мы продолжили ужинать. А я, слушая музыку и наблюдая, как отблески лампы играют на стеклянных бокалах, думал о том, что пора заканчивать этот импровизированный спектакль. У меня появились первые сведения, приблизительная карта города и кое-какое понимание обстановки. Но времени оставалось мало. К утру должен был вернуться Иван Матвеевич. И вот тогда мне предстояло объяснить полковнику, почему в его доме поселился незваный гость, зачем его жена рассказывала мне о городских делах и что, собственно, я собираюсь делать дальше. С последним пунктом, если говорить честно, у меня самого пока были некоторые затруднения.

Глава 11

Сидя за ужином, я задумался. А не махнуть ли мне вместе с Еленой Павловной за границу? Париж, Лондон, Америка... Большой дом где-нибудь на побережье, деньги в банке, прислуга, хорошая кухня. Никаких тебе революций, расстрелов, гражданских войн и необходимости каждое утро проверять, не изменился ли очередной раз политический расклад. Живи себе спокойно, наслаждайся жизнью, вспоминай прошлое и рассказывай любопытным соседям, как когда-то служил в русской армии. Глядишь, даже мемуары напишешь. «Записки человека, которому не повезло родиться дважды». Я усмехнулся собственной фантазии и тут же мысленно дал себе подзатыльник. Не для того тебя, Паша, занесло в этот мир, чтобы ты здесь жирел, пробормотал я себе под нос. Что вы сказали? спросила Елена Павловна. Да так, сударыня. Разговариваю с собственной совестью. Давно знакомы, отношения сложные. Она улыбнулась и вернулась к ужину. А я снова погрузился в размышления. Нет. Уехать сейчас было бы слишком простым решением. Да и не за этим меня судьба, случай или какая-то неизвестная сила выдернули из моего времени и забросили в самое пекло русской истории. По крайней мере, хотелось в это верить. Иначе всё происходящее превращалось в дурной анекдот, в котором калека из двадцать первого века просыпается молодым, получает чужой мундир и оказывается в чужой квартире накануне революции. Значит, нужно остаться. Посмотреть, как всё пойдёт на самом деле, а не так, как написано в учебниках. И, если представится возможность, попытаться что-нибудь изменить. Царю я, пожалуй, уже не помогу. Николай Второй слишком далеко от событий, а самое главное слишком многое уже упущено. Даже если доберусь до него, что я смогу предложить? Несколько исторических фактов, которые он либо не поверит, либо сочтёт фантазиями человека с расстроенным рассудком? Нет, тут нужен другой подход. Временное правительство... Возможно. Предупредить его руководителей об ошибках, которые они совершат, подсказать, где нельзя уступать, на что обратить внимание. Хотя, зная наших политиков, можно было ожидать, что они выслушают меня, поблагодарят, а потом продолжат уверенно двигаться навстречу катастрофе. Но был и другой вариант. Ленин. Я замер, держа вилку над тарелкой. Убить Ленина и тем самым изменить ход истории. Мысль была простая, страшная и до неприятного заманчивая. В моей прежней жизни я не раз слышал споры о том, насколько роль одного человека способна изменить судьбу целой страны. Теперь у меня появилась возможность проверить это на практике. Однако чем дольше я размышлял, тем меньше мне нравилась собственная идея. Во-первых, Ленин ещё не захватил власть. Во-вторых, я не знал, что произойдёт после его смерти. На его месте мог появиться другой лидер, возможно, ещё более жестокий или, наоборот, более осторожный. История не любит пустоты. Убери одного человека и десятки других тут же начнут борьбу за освободившееся место. А самое неприятное заключалось в том, что я помнил историю лишь в общих чертах. Даты, события, фамилии всё это было известно. Но я не был историком, не изучал архивы и уж точно не мог предсказать каждый поворот событий. Одно дело рассуждать о прошлом, сидя в удобном кресле, и совсем другое принимать решения, последствия которых могут затронуть миллионы людей. Я отложил вилку и посмотрел на бокал. Что-то вы сегодня задумчивы, заметила Елена Павловна. Выбираю между несколькими неприятностями, сударыня. И какая же из них самая неприятная? Та, последствия которой мне предстоит расхлёбывать до конца жизни. Она

тихонько рассмеялась, приняв мои слова за шутку. А я продолжал думать. В конце концов, если мне действительно предоставили второй шанс, значит, я должен хотя бы попытаться им воспользоваться. Не ради славы, не ради чинов и уж точно не ради того, чтобы попасть в учебники истории. Мне хотелось понять, можно ли предотвратить хотя бы часть того кошмара, который я знал по рассказам, книгам и воспоминаниям людей, переживших ту эпоху. Но для начала следовало выжить самому. Добыть документы. Найти деньги. Разобраться, кому в городе ещё можно доверять. И самое главное понять, насколько сильно моё появление уже изменило привычную последовательность событий. Я снова взялся за вилку. Что ж, Паша. Никаких поспешных решений. Сначала разведка, потом оценка обстановки и только затем действия. Старая военная привычка оказалась полезной даже в другом столетии. А Ленин... Ленин пока подождёт.

Глава 12

Мы засиделись за ужином далеко за полночь. Вино постепенно сменилось крепким чаем, патефон успел проиграть несколько пластинок, а разговоры всё никак не заканчивались. Я рассказывал Елене Павловне о будущем, осторожно обходя те подробности, которые могли показаться ей совершенно невероятными, а она в ответ забавляла меня историями из светской жизни Петербурга. Особенно ей понравился мой рассказ о том, что когда-нибудь люди смогут разговаривать друг с другом на огромных расстояниях, не прибегая к помощи телефонисток. И вы хотите сказать, что можно будет увидеть человека, находящегося за тысячи вёрст? недоверчиво спросила она. Не только увидеть, сударыня. Можно будет ещё и сфотографировать его в самый неподходящий момент. Елена Павловна рассмеялась так звонко, что я невольно улыбнулся. Пожалуй, впервые с момента своего появления в этом мире я чувствовал себя не беглецом, не самозванцем в чужом мундире и не человеком, которому предстояло разгадать историческую загадку, а просто мужчиной, которому приятно общество умной и остроумной женщины. Когда мы наконец поднялись из-за стола, ночь уже вступила в свои права. Мы направились в спальню. Елена Павловна выглядела уставшей, но на её лице сохранялось какое-то необычное воодушевление. Оставшись со мной наедине, она вдруг обняла меня и прижалась щекой к моей груди. Павел... тихо произнесла она. Я ведь должна была бы вас бояться. И, наверное, боюсь. Но почему-то мне кажется, что вы появились здесь не случайно. Она подняла голову и поцеловала меня. Быть может, Господь послал вас, чтобы спасти меня, прошептала она. Чтобы дать мне возможность начать другую жизнь. Я осторожно высвободил руку и посмотрел ей в глаза. В её словах было столько надежды, что мне на мгновение стало не по себе. Ещё совсем недавно она была моей пленницей, не знала, что я собираюсь делать, и боялась за мужа. Теперь же, выслушав мои рассказы о будущем, она словно ухватила за меня как за единственную соломинку посреди надвигающегося потопа. Но ведь я не ангел. И даже не герой. Я был обычным человеком, которому неожиданно подарили молодое тело и забросили в чужую эпоху. У меня не было ни готового плана спасения России, ни уверенности в завтрашнем дне. Я мог ошибаться, заблуждаться и, чего доброго, принести окружающим ещё больше бед, чем те, от которых пытался их уберечь. Елена Павловна, негромко сказал я, я не знаю, кто или что привело меня сюда. Но обещать вам спасение от всех несчастий я не могу. Я постараюсь помочь вам, насколько хватит моих сил. Только не делайте из меня спасителя. Мне и без того хватает неприятностей. Она грустно улыбнулась и снова обняла меня. В ту ночь мы долго сидели рядом, разговаривая вполголоса. Она рассказывала о своих страхах, о муже, о жизни, которую не хотела терять, а я слушал и время от времени отвечал на её вопросы. Постепенно разговоры стихли. Я устроился рядом с Еленой Павловной в постели, и обнял ее. Мы быстро разделись и предались утехам. Она была страстна и нежна. За окном спал Петроград. А я всё думал о том, что самое трудное в моём положении заключалось вовсе не в необходимости добыть документы, найти деньги или выжить среди вооружённых людей. Самое трудное не поверить в собственную исключительность. Не решить, что раз тебе известен будущий ход

истории, то ты вправе распоряжаться чужими судьбами. Потому что история, как я начинал понимать, состояла не только из царей, революционеров и великих битв. Она состояла ещё и из таких вот ночей, когда один испуганный человек искал надежду в другом, а тот совершенно не знал, достоин ли её. Утром мы сделали это снова с особой страстью. Будто предчувствуя что это прощальный секс.

Глава 13

К утру мы с Еленой Павловной успели привести квартиру в порядок и приготовиться к возвращению полковника. Я сменил мундир, проверил пистолет и ещё раз просмотрел карту, нарисованную хозяйкой. Предстоял разговор, от которого, возможно, зависело не только моё дальнейшее пребывание в этой квартире. Иван Матвеевич появился около девяти часов. В замке повернулся ключ, входная дверь открылась, и в прихожей послышались тяжёлые шаги. Елена Павловна поспешила навстречу мужу. Ванечка, наконец-то! Она обняла его, помогла снять шинель и, не давая ему задать первые вопросы, повела в гостиную. Познакомься. Это Павел Николаевич. Он человек из будущего. Полковник посмотрел на жену, затем на меня. На его лице отразилось лёгкое недоумение. Вот как? произнёс он с усмешкой. И давно к нам стали приезжать из будущего? Не так давно, ответил я. Но дорога оказалась довольно необычной. Удивительно! полковник рассмеялся и опустился в кресло. И что же нас ждёт в этом самом будущем? Всеобщая сытость, отсутствие войн и бесплатные железнодорожные билеты? Сытость будет не у всех, войны никуда не исчезнут, а железнодорожные билеты придётся оплачивать. Тогда не вижу особенных преимуществ перед настоящим. Преимущества есть, Иван Матвеевич. Просто распределены они неравномерно. Полковник хмыкнул. Похоже, он решил, что перед ним либо оригинальный шутник, либо человек, которого жена подобрала из жалости. Я сел напротив него, устроился поудобнее и только тогда заметил, куда направлен его взгляд. На моих погонах. Он прищурился, подался вперёд и внимательно осмотрел их. Весёлое выражение постепенно исчезло с его лица. Позвольте, Павел Николаевич... произнёс он уже совсем другим тоном. Это что же у вас за погоны не по уставу? Полковничьи. Я вижу, что полковничьи! Я спрашиваю, на каком основании вы их носите? На основании ряда обстоятельств, которые вряд ли вас обрадуют. Такого устава я не знаю! Не сомневаюсь. Иван Матвеевич нахмурился. Для кадрового офицера подобное нарушение было не просто странностью. Чин означал выслугу, назначение, ответственность, положение в армейской иерархии. А тут перед ним сидел незнакомец, одетый с нарушением формы, вооружённый и вдобавок утверждавший, что прибыл из будущего. Елена Павловна предусмотрительно уселась на подлокотник его кресла и обняла мужа за плечи. Ванечка, прошу тебя, не сердись. Павел Николаевич ещё многое должен нам объяснить. Но сначала выслушай его. Леночка, дорогая, я и так слушаю! Только хотелось бы понять, почему в моей гостиной сидит неизвестно кто в чужом мундире и рассказывает сказки. Потому что сказки, дорогой, иногда оказываются правдой. Она произнесла это так спокойно, что полковник невольно повернул к ней голову. Судя по всему, Елена Павловна умела добиваться от супруга внимания даже тогда, когда он совершенно не собирался её слушать. Я воспользовался паузой. Иван Матвеевич, предлагаю отложить вопрос о моих погонах. У нас с вами есть дела поважнее. Вы хотите знать, что ждёт Россию? Я расскажу, что помню. Полковник скрестил руки на груди. Извольте. Я собрался с мыслями. Историю можно было пересказывать бесконечно, но мне требовалось назвать главное события ближайших дней. Не войны далёкого будущего, не судьбы государств через десятилетия, а то, что скоро должно было произойти за стенами этого дома. Первое марта, начал я, будет издан приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он касается гарнизона и порядка подчинения военнослужащих. В войсковых частях появятся солдатские комитеты, а власть командиров начнёт стремительно слабеть. Иван Матвеевич подался вперёд. Солдатские комитеты? В действующей армии? Именно. Это же разрушит дисциплину! Да, ответил я. По крайней мере, нанесёт ей серьёзный удар. А без дисциплины армия превра-

щается в вооружённое скопление людей, которые не обязательно собираются выполнять приказы. Полковник хотел возразить, но я продолжил: Второго марта Николай Второй отречётся от престола. Первоначально вопрос о престолонаследии будет решён в пользу великого князя Михаила Александровича. Но уже третьего марта Михаил откажется принять власть до решения Учредительного собрания. Начнётся период Временного правительства. В комнате стало тихо. За окном шумела улица, по мостовой стучали колёса экипажа, где-то неподалёку кричал разносчик. Самые обыкновенные звуки, сопровождавшие повседневную жизнь столицы. И всё же в этой комнате мои слова будто изменили само течение времени. Иван Матвеевич медленно покачал головой. Нет. Отречение государя ещё можно допустить. Положение действительно тяжёлое. Но Россия не может остаться без власти. Будет сформировано правительство, созовут представителей народа, установят конституционный порядок. Посмотрите на Францию! Республика способна существовать вполне успешно. Способна, согласился я. При определённых условиях. Но наличие правительства ещё не означает наличия власти. А наличие парламента не гарантирует порядка. Вы говорите так, будто уже знаете, что всё закончится скверно. Я именно это и говорю. Полковник поднялся с кресла и прошёлся по комнате. Нет, я не могу принять ваше предсказание за истину. Даже если государь отречётся, страна не исчезнет. У нас есть армия, чиновничество, офицерский корпус. Есть люди, которые понимают необходимость порядка. А есть вооружённые солдаты, которые больше не уверены, что обязаны подчиняться своим офицерам. Есть люди, уставшие от войны. Есть крестьяне, требующие землю, и рабочие, требующие хлеба. Есть политические силы, которые прекрасно понимают, что ослабленная власть это возможность захватить инициативу. Я сделал короткую паузу. А потом начнётся борьба за саму Россию. Гражданская война, распад привычных связей, разруха. В конце концов власть захватят большевики, выступающие от имени рабочих и крестьян. И страна уже никогда не станет прежней. Большевики... Полковник произнёс это слово так, словно оно оставило неприятный привкус. Небольшая партия радикалов? Вы полагаете, они способны управлять огромной империей? Я полагаю, что нельзя оценивать политическую силу только по её численности сегодня. Иногда достаточно решительности, организации и готовности действовать в тот момент, когда остальные спорят. Иван Матвеевич повернулся ко мне. И что же вы предлагаете? Предотвратить отречение государя? Разогнать Совет? Арестовать всех революционеров? Я пока ничего не предлагаю. Я хочу понять, возможно ли вообще изменить ход событий, не породив ещё большую катастрофу. Прекрасно, сухо произнёс он. Человек из будущего, который не знает, что делать в настоящем. Иван Матвеевич, если бы вы знали будущее, вы тоже обнаружили бы, что оно не так удобно, как вам кажется. Елена Павловна всё это время молчала. Теперь она мягко похлопала мужа по плечу. Ванечка. Что, Леночка? Давай посмотрим на жизнь реально. Он нахмурился, но не перебил. Это уже не обычный бунт. Это революция. Ты сам мне рассказывал, что в городе войска отказываются выполнять приказы, что начальство не знает, кому доверять, что на улицах распоряжаются люди с оружием. Разве ты не видишь, что всё изменилось? Вижу, неохотно ответил он. Но я всё ещё надеюсь, что нам удастся сохранить порядок. Учредительное собрание, республика, законное правительство... Дорогой, произнесла она с нажимом, допустим, ты прав. Допустим, Россия действительно сумеет избежать всего того, о чём говорит Павел Николаевич. Тогда мы ничего не потеряем, если заранее позаботимся о себе и уедем на некоторое время за границу. Полковник посмотрел на жену с таким выражением, будто она только что предложила ему бросить полк посреди сражения. Ты хочешь, чтобы я оставил службу? Я хочу, чтобы ты остался жив. Эти слова прозвучали без всякой театральности. Елена Павловна больше не улыбалась и не пыталась шутить. Она просто смотрела на мужа, и в её взгляде было то упрямое спокойствие, которое иногда оказывается сильнее самых убедительных доводов. Если предсказания Павла Николаевича сбудутся в ближайшие два дня, продолжила она, мы уедем. Да да, ты достаточно послужил государству. Ты, я и всё, что сумеем взять с собой. Найдём место за границей, купим дом или поместье, начнём

другую жизнь. А если он ошибается, всегда сможем вернуться. Леночка, это не так просто... Разумеется, не просто. Но остаться здесь тоже может оказаться непросто. Полковник беспомощно посмотрел на неё, потом на меня. Я не вмешивался. Это было семейное решение, и последнее, что мне требовалось, превращать его в спор между двумя мужчинами. К тому же я слишком хорошо знал, как легко чужие советы выглядят разумными, пока не приходится расплачиваться за их последствия самому. Наконец Иван Матвеевич тяжело вздохнул. Хорошо. Если в ближайшие два дня произойдёт то, о чём вы говорите, мы всерьёз обсудим отъезд. Не обсудим, дорогой, поправила Елена Павловна. Мы уедем. Он посмотрел на неё, хотел что-то сказать, но в конце концов махнул рукой. Хорошо. Уедем. Она удовлетворённо кивнула и на мгновение прижалась к его плечу. Я же откинулся на спинку кресла. Два дня. Всего два дня, чтобы доказать полковнику, что я не сумасшедший, а затем решить, что делать дальше. Убедить его уехать было лишь частью задачи. Самому мне предстояло определиться, зачем я вообще оказался в феврале семнадцатого года. Я знал, чем закончится старая Россия. Знал, что Николай Второй отречётся, что появится Временное правительство и что большевики в конце концов возьмут власть. Но знание истории ещё не означало, что я обязан покорно смотреть, как она повторяется. Возможно, я сумею повлиять на события. Возможно, лишь погублю себя и тех, кто поверит моим словам. А возможно, самое разумное решение действительно заключалось в том, чтобы уехать вместе с Еленой Павловной и Иваном Матвеевичем, пока дороги ещё открыты. Я посмотрел на полковника. Он уже снова погрузился в размышления, машинально теребя край мундира. Что ж, решение о будущем пока можно было отложить. Сначала следовало пережить ближайшие сорок восемь часов.

Глава 14

Иван Матвеевич отобедал вместе с нами, после чего поднялся из-за стола, надел китель и принялся собираться в штаб. Я дождался, пока он застегнёт португепю, и остановил его у двери. Иван Матвеевич, постойте. Нам понадобится охрана. Полковник обернулся. Какая ещё охрана? В городе начнутся беспорядки. Если всё пойдёт так, как я предполагаю, к вечеру положение станет гораздо хуже. Было бы неплохо, если бы вы прислали сюда десять солдат. Только желательно без офицера. Без офицера? переспросил он, вскинув брови. Да вы понимаете, что говорите? Солдаты без командира... Понимаю. Мне нужны люди, способные выполнять простые распоряжения и не привлекающие излишнего внимания. А офицеров, боюсь, сегодня начнут убивать. Иван Матвеевич побагровел. Павел Николаевич, вы, кажется, забываетесь! Я не собираюсь участвовать в ваших фантазиях и... Ваня! остановила его Елена Павловна. Она подошла к мужу и положила ладонь ему на плечо. Иван, ты ведь не бросишь жену на растерзание толпы? Полковник растерянно посмотрел на неё, потом на меня. Кажется, он только сейчас вспомнил, что в его собственном доме происходит нечто совершенно невероятное. Ещё час назад он считал меня подозрительным незнакомцем, сегодня ему сообщали о грядущем падении монархии, а теперь требовали прислать солдат без командира. И всё это под одобрительным взглядом собственной супруги. Леночка, но ведь есть порядок! Есть устав! Нельзя просто так взять и... Дорогой, произнесла она с такой ласковой угрозой, что я невольно проникся к ней уважением, ты сам говорил, что в городе творится нечто ужасное. Так почему ты не хочешь принять меры для нашей безопасности? Полковник открыл рот, затем закрыл его. Мне даже стало его немного жаль. И ещё одно, добавил я. Мне потребуется полная форма полковника. Мундир, брюки, шинель, папах. Всё по уставу и в хорошем состоянии. Да вы с ума сошли! вырвалось у Ивана Матвеевича. Как я могу отдать вам свою форму? Вы хоть понимаете, что это нарушение... Елена Павловна медленно повернула к нему голову. Полковник умолк. Благодарю, сказал я. И последнее. Что ещё?! почти вскрикнул он, окончательно теряя терпение. Две крытые повозки. Желательно с крепкими лошадьми и надёжными гражданскими кучерами. Иван Матвеевич несколько секунд смотрел на меня с выражением человека, который уже не уверен, что перед ним действительно существует какая-то разумная логика. Повозки... Форма... Сол-

даты... Вы, любезный, собираетесь армию создать? Нет. Всего лишь обеспечить себе и вам возможность благополучно покинуть город. Но я... Иван, негромко напомнила Елена Павловна. Полковник посмотрел на жену, тяжело вздохнул и махнул рукой. Хорошо! Я всё выясню в штабе. Но предупреждаю: если ваши предсказания окажутся очередной нелепостью... Тогда вы сможете лично высказать мне всё, что обо мне думаете. Будьте уверены, выскажу! С этими словами он распахнул дверь и вышел, хлопнув ею чуть громче, чем требовалось. Мы с Еленой Павловной переглянулись. Она улыбнулась. Всё будет в порядке, заговорщически произнесла она. Надеюсь, сударыня. Хотя ваш супруг, кажется, придерживается несколько иной точки зрения. Он хороший человек. Просто слишком привык к тому, что мир обязан подчиняться уставу. Боюсь, скоро миру станет совершенно безразлично, что написано в уставе. Елена Павловна помрачнела, но лишь на мгновение. Затем она посмотрела на меня с любопытством.

А зачем вам две повозки? Мы что, собираемся забрать с собой всю мебель? Я рассмеялся. Нет, голубушка. Оставьте мебель большевикам, будущим комиссарам или кому там ещё достанется эта квартира. Нам она не понадобится. Тогда для чего? Я подошёл к окну, убедился, что на улице всё спокойно, и повернулся к ней. Я намерен обеспечить вам с Иваном Матвеевичем безбедную жизнь во Франции. Чтобы вы могли купить приличное поместье, нанять прислугу и до старости вспоминать Россию за чашкой хорошего кофе, а не подсчитывать последние франки на кусок хлеба. Елена Павловна широко улыбнулась. Павел Николаевич, вы, оказывается, настоящий рыцарь! Не преувеличивайте. Я всего лишь стараюсь не оставлять незаконченных дел. Она подошла ко мне, обняла и поцеловала в щёку. А всё-таки ангел, прошептала она. Я усмехнулся, хотя внутри осталось неприятное чувство. Ангелы, насколько я помнил, обычно не таскали за поясом пистолет, не присваивали чужие погоны и не планировали эвакуацию из города накануне революции. Но спорить с Еленой Павловной я не стал. Впереди было ещё слишком много дел. И если я собирался действительно изменить чью-то судьбу, следовало начинать с самого простого: обеспечить людям возможность пережить ближайшие несколько дней. А затем... Затем предстояло решить, что делать с историей, которая, похоже, ещё не подозревала о моём существовании. К вечеру к нам в дверь позвонили. Я открыл дверь. Здравия желаю штабс-капитан. Велено доставить в ваше распоряжение отделение солдат. Я вышел во двор, там стояло десять рослых солдат. Все свободны ротмистр сказал я. И он ушел. Я завел солдат в комнату приготовленную на первом этаже и Глаша накормила их.

Глава 15

Чуть позже во двор въехали две крытые повозки. Вместе с ними доставили и мою новую форму полковника. Я осмотрел мундир, шинель, папаху и сапоги. Всё оказалось приличным, хотя и не совсем по моей фигуре. Ну что ж, господа, обратился я к солдатам, теперь посмотрим, насколько полезным может оказаться военный мундир в руках человека, который знает, что произойдёт завтра. Солдаты переглянулись, но промолчали. Для них я был полковником, которого прислали с каким-то особым поручением. А в нынешней обстановке лишних вопросов старались не задавать. Облачившись в форму, я вышел во двор. В зеркале прихожей на меня смотрел незнакомый офицер с молодым лицом и полковничьими погонами. Я машинально поправил воротник. Вот теперь другое дело. Мундир сидел почти как родной, а главное внушал окружающим определённое уважение. В наше время это называлось бы форменной одеждой, а в семнадцатом году погоны ещё могли заменить человеку половину документов. Я усадил солдат в повозки, сам занял место рядом с кучером, и мы выехали в вечерний город. Петроград к этому времени уже мало походил на столицу огромной империи. На перекрёстках толпились люди, в переулках горели костры, а вооружённые солдаты перемещались по улицам небольшими группами. Некоторые выглядели растерянными, другие, наоборот, были слишком возбуждены происходящим. Повсюду чувствовалось, что прежние запреты больше не действуют, а новые правила ещё никто не успел придумать. Проезжая мимо одного из военных гарнизонов, мы заметили толпу возле складов. Двери были распахнуты настежь, солдаты

выносили ящики, мешки и оружие. Несколько человек уже пытались перетаскивать имущество на телеги, а возле входа шла настоящая свалка. Я велел кучеру остановиться. Господин полковник, может, не стоит? осторожно спросил один из солдат. Именно поэтому и стоит, ответил я. Если вооружение разойдётся по городу без всякого учёта, завтра у нас будут неприятности посерьёзнее сегодняшних. Разумеется, я понимал, что звучит это несколько лицемерно. Но революция вообще плохо сочеталась с безупречной нравственностью. Впрочем, оправдывать собственные поступки историческими обстоятельствами я тоже не собирался. У складов удалось воспользоваться ещё сохранявшейся привычкой солдат подчиняться людям в старших чинах. Я представился офицером, действующим по распоряжению командования, и потребовал выделить нам вооружение для охраны транспорта и имущества. После короткой перебранки нам удалось получить несколько станковых пулемётов «Максим», ручные пулеметы, ящики с патронами и гранаты. Ящики погрузили в повозки, а оружие разместили так, чтобы оно не бросалось в глаза каждому встречному. Когда мы отъехали, я оглянулся на склад. Там всё ещё толпились люди. Хорошего мало, пробормотал я. Но в моём распоряжении теперь имелась вооружённая охрана, и это меняло положение. Пришлось возвращаться домой. Вся добыча дня была выгружена в подсобном помещении дворницкой, под присмотром солдат. Я распорядился укрыть оружие и боеприпасы, после чего велел приготовить людям горячий чай. Каждому выдали по стакану водки исключительно для согрева и поднятия духа, как я объявил. Судя по лицам солдат, подобное толкование их вполне устраивало. Мы установили по одному максимуму на крышах повозок для устрашения. Я уже собирался обсудить с ними порядок дальнейшей службы, когда во двор вышла Елена Павловна. На ней была тёплая шаль, а поверх платья пальто. Она внимательно оглядела повозки, задержала взгляд на пулеметах и, наконец, посмотрела на меня. Павел Николаевич, я хочу поехать с вами. Куда именно, сударыня? Туда, куда вы собираетесь. Вы ведь не намерены оставить меня дома одну, пока по городу ходят вооружённые толпы? Я хотел было возразить, но вовремя передумал. Спорить с Еленой Павловной было занятием совершенно бесперспективным. И мне нужен был проводник. Хорошо. Только держитесь рядом со мной и никуда не отходите без предупреждения. Она довольно улыбнулась. Вот видите, как легко со мной договориться. Я лишь вздохнул. Через несколько минут наш маленький отряд вновь выехал на улицы Петрограда. На сей раз я двигался увереннее. Полковничья форма, несколько вооружённых солдат и пулемёты на повозках производили впечатление. В нынешнем городе демонстрация силы иногда заменяла и документы, и рекомендации, и объяснения. Мы заехали в несколько антикварных лавок и ювелирных магазинов. Владелец одного из них сначала пытался выяснить, по какому праву я интересуюсь его товаром, но, увидев сопровождавших меня солдат, быстро сменил тон. Разговор пошёл значительно легче. Я забирал ценные вещи, причём старался выбирать то, что можно было без труда увезти с собой и обменять за границей. Картины, мебель и прочие крупные предметы были бесполезны. Мне нужны были компактные ценности, не привлекающие слишком много внимания. Елена Павловна наблюдала за моими действиями с нескрываемым любопытством. Вы, оказывается, умеете вести дела, заметила она, когда мы вышли из очередной лавки. В любой эпохе, сударыня, полезно уметь считать деньги. А я-то думала, что военные умеют только отдавать приказы. Это распространённое заблуждение. Некоторые из нас способны ещё и читать. Она весело рассмеялась. Последним пунктом стал банк. К моему удивлению, там нас приняли вполне благожелательно. Несколько служащих ещё оставались на местах, двери были заперты, а внутри сохранялся относительный порядок. Увидев мой мундир и сопровождавших меня солдат, управляющий поспешил навстречу. Я объяснил, что намерен вывести ценности из хранилища в целях безопасности и выдал им расписки. Разговор вышел куда спокойнее, чем я ожидал. Впрочем, банк был заинтересован в том, чтобы не допустить паники среди вкладчиков, а человек в полковничьей форме с вооружённым сопровождением выглядел достаточно убедительно. Пока служащие занимались бумагами, я подошёл к окну и посмотрел на улицу. На кры-

шах наших крытых повозок были закреплены станковые пулемёты «Максим». Они выглядели внушительно, и это производило нужное впечатление на случайных наблюдателей. Несколько раз к повозкам приближались буйные солдаты, явно желавшие выяснить, что именно перевозится под брезентом. Но, заметив вооружённый конвой, они предпочитали держаться на расстоянии. Елена Павловна тоже посмотрела в окно. У вас получается целая маленькая армия, заметила она. Пока что лишь охрана, сударыня. А завтра? Завтра, как обычно, будет новый день и новые неприятности. Я закончил дела в банке, поблагодарил управляющего и направился к выходу. На улице уже сгущались сумерки. Вдалеке слышались крики, глухие удары и редкие выстрелы. Петроград всё глубже погружался в беспорядок, и оставаться в нём становилось опаснее с каждым часом. Я помог Елене Павловне подняться в повозку и уселся рядом. Домой? спросил кучер. Я посмотрел на улицу, затем на часы. Домой. Сегодня мы сделали достаточно. И всё же по дороге я не мог избавиться от неприятного ощущения, что события начинают развиваться быстрее, чем я рассчитывал. История не собиралась ждать, пока я закончу свои приготовления.

Глава 16

Мы выгрузили всё оружие и припасы в складском помещении, после чего я лично проверил замок и убедился, что дверь заперта надёжно. Ключ убрал во внутренний карман мундира. Теперь у нас имелось небольшое оружейное хозяйство, которое следовало охранять не хуже банковского хранилища. Солдаты получили матрасы и тёплые одеяла. Глаша, уже окончательно смирившаяся с тем, что в доме происходят события, не предусмотренные ни одним из известных ей жизненных укладов, накормила солдат горячим ужином. Я распорядился выставить дежурных и сменять их через определённые промежутки времени. Пусть хотя бы в этом деле всё будет по уставу. Когда двери склада и двор были надёжно закрыты, мы с Еленой Павловной поднялись в квартиру. Надо было видеть её лицо! Она буквально сияла. Ещё несколько дней назад, вероятно, самым необычным событием в её жизни считался визит к знакомым или поездка в театр. А теперь она участвовала в настоящей авантюре: вооружённые солдаты, крытые повозки, тайный склад и полковник с весьма сомнительной биографией, обещавший ей новую жизнь во Франции. Павел Николаевич, признавайтесь, сказала она, снимая пальто. Вы всегда так жили? Как именно, сударыня? Вечно куда-то ехали, что-то добывали, распоряжались людьми и попадали в невероятные истории! Нет. Обычно всё было гораздо скучнее. Иногда даже приходилось заполнять бумаги в двух экземплярах. Елена Павловна рассмеялась. Вот уж этого я никак не ожидала! Мы решили отметить удачно завершившийся день хорошим ужином. Глаша снова накрыла стол, и вскоре на нём появились горячее мясо, хлеб, соленья и чай. За ужином Елена Павловна без устали вспоминала наши сегодняшние похождения, причём с каждым пересказом они становились всё более занимательными. По её версии, у банка меня уже принимали едва ли не за представителя самого государя, а один из ювелиров, по видимому, запомнил меня как человека, способного одним взглядом заставить открыть любую кассу. Я предпочёл не разрушать эту красивую картину. После ужина я проверил, всё ли в порядке у охраны, убедился, что дежурные находятся на местах, и наконец позволил себе расслабиться. За окном стояла ночь. Петроград ещё шумел, но до нас доносились лишь отдалённые крики и редкие звуки проезжавших экипажей. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и отправились в спальню. Я уже собирался устроиться на диване, когда Елена Павловна подошла ко мне, обняла за шею и поцеловала. Вы сегодня опять спасли нас, тихо сказала она. Не преувеличивайте. Сегодня мы всего лишь приобрели несколько полезных вещей и организовали охрану. Настоящие испытания, боюсь, ещё впереди. Вы совершенно не умеете принимать благодарность. Умею. Просто предпочитаю, чтобы благодарили меня после того, как дело закончено. Она покачала головой и снова обняла меня, осыпая поцелуями. В её поведении было столько искренней нежности и почти детской радости, что я невольно улыбнулся. Елена Павловна, произнёс я, пытаясь добраться до подушки, вы собираетесь дать мне поспать? А вы уже

собираетесь спать? Вообще-то, это было моим первоначальным намерением. Тогда придётся отложить его. Она рассмеялась и прижалась ко мне. Я вздохнул, но возражать больше не стал. После нескольких суток, наполненных опасностью, тревогой и бесконечными расчётами, человеческое тепло казалось чем-то почти забытым. Я обнял её в ответ, стараясь не думать о завтрашнем дне. Мы перенеслись с ней на кровать и устроили бурный секс. С тем и уснули. Но утром она устроила повторный сеанс и поразила меня своей распушенностью. И мы еле успели одеться до прихода полковника. В конце концов, даже человеку, попавшему в самую гущу истории, иногда требуется просто закрыть глаза и почувствовать, что он не один. Правда, судя по настроению Елены Павловны, ночь проведенная с ней была ее благодарностью. И, пожалуй, впервые за всё время моего пребывания в семнадцатом году это обстоятельство меня совершенно не огорчало. Полковник вернулся под вечер, мрачнее тучи. В прихожей он долго возился с шинелью, словно даже расстаться с ней у него сегодня не было сил. Снял фуражку, повесил портупею и только потом направился в гостиную. Елена Павловна поспешила ему навстречу. Ванечка! Ну как дела, мой полковник? весело спросила она и потянулась поцеловать мужа. Иван Матвеевич сухо чмокнул её в щёку и тяжело опустился в кресло. Плохо, Лена. Очень плохо. Что случилось? Он провёл ладонью по лицу и посмотрел на нас совершенно растерянным взглядом. Государь отрёкся от престола. Николай Александрович больше не император. В штабе ничего не понимают, приказы противоречат друг другу, солдаты бунтуют. Часть офицеров вообще боится появляться на улицах. Что делать, Лена? Что теперь делать? Он говорил всё тише, а под конец и вовсе замолчал, уставившись на свои руки. Я не стал ничего добавлять. Для меня это была история, которую я знал с детства. Для него крушение всего, чему он служил всю жизнь. Елена Павловна присела перед мужем, взяла его за руки и совершенно безапелляционно произнесла: Уезжать, Ванечка. Он поднял на неё глаза. Куда уезжать? Ты понимаешь, о чём говоришь? Я офицер русской армии! Я давал присягу! Я не могу просто бросить службу, когда страна переживает такое! А кому ты теперь присягал, дорогой? мягко, но настойчиво спросила она. Государя больше нет на престоле. Правительство меняется на глазах. Солдаты не желают подчиняться командирам. Ты сам только что сказал, что в штабе никто ничего не понимает. И ты хочешь остаться посреди всего этого? Но кто-то же должен сохранять порядок! Разумеется. Но почему этим кем-то непременно должен быть ты? Полковник открыл рот, однако ответа не нашёл. Я едва заметно усмехнулся. Надо же, какая женщина! Ещё два дня назад она с ужасом смотрела на меня, когда я рассказывал ей о будущем. Теперь же сама убеждала мужа сделать именно то, чего он боялся больше всего, оставить привычный мир и спасти собственную жизнь. Иван Матвеевич, вмешался я, сегодня вы получили подтверждение лишь первой части моего рассказа. Но дальше события не станут спокойнее. Отречение государя не вернёт дисциплину в гарнизон и не заставит людей забыть о своих требованиях. Напротив, теперь начнётся борьба за власть. Он перевёл на меня тяжёлый взгляд. Значит, вы действительно всё это знали? Я предупреждал вас об этом ещё вчера. И что же будет дальше? Временное правительство. Обещания порядка, свободы и скорого решения всех проблем. Затем затянувшаяся война, кризисы, новые беспорядки. А осенью власть захватят большевики. Полковник побледнел. Осенью? Если всё пойдёт так, как я помню. Он поднялся и заходил по комнате. Несколько раз останавливался, словно собирался возразить, но снова продолжал ходить. Я понимал его состояние. Человек, привыкший отдавать приказы и отвечать за подчинённых, вдруг обнаружил, что сам больше не понимает, кто теперь отдаёт приказы и кому он обязан повиноваться. Я не могу бросить страну, наконец произнёс он. Вы не бросаете страну, Иван Матвеевич, спокойно ответил я. Вы спасаете свою семью. И, возможно, самого себя. Страна переживёт ещё немало испытаний, но вы не обязаны принимать участие в каждом из них. Елена Павловна подошла к мужу и положила руку ему на плечо. Ванечка, послушай меня. Я не прошу тебя отказаться от всего, во что ты верил. Я прошу тебя не погибать за то, что уже невозможно удержать. Мы уедем во Францию. Найдём дом, обживёмся. А там посмотрим,

что будет с Россией. Полковник посмотрел сначала на неё, потом на меня. А солдаты? Охрана? Повозки? Всё это действительно готово? Люди на месте, имущество собрано, транспорт имеется, ответил я. Осталось решить, когда выступать и каким маршрутом. Он медленно кивнул. Хорошо. Я согласен. Елена Павловна облегчённо выдохнула и обняла мужа. Вот и прекрасно, Ванечка. Но я должен предупредить своих товарищей, добавил он. Хотя бы нескольких. Не могу просто исчезнуть без объяснений. Предупредите тех, кому действительно доверяете, сказал я. Только осторожно. Сейчас любое слово может быть истолковано против вас. Полковник серьёзно посмотрел на меня. А вы? Вы ведь тоже собираетесь уехать? Я задумался. Мои планы за последние дни изменились не один раз. Сначала я хотел просто выжить, затем решил помочь Елене Павловне и её мужу, после этого задумался о том, не стоит ли вмешаться в ход истории. Теперь же передо мной открывалась возможность покинуть Россию вместе с людьми, которым я успел помочь. Пока не решил, ответил я. Как же так? удивилась Елена Павловна. Вы сами убеждали нас спасаться! Вас да. У вас есть семья, имущество и возможность начать жизнь заново. А у меня, сударыня, есть кое-какие незаконченные дела. Она нахмурилась. Опять вы за своё, Павел Николаевич! Ничего не могу поделать. Профессиональная болезнь. Я подошёл к окну. На улице уже стужались сумерки, а вдаль слышались шум и отдельные крики. Город менялся буквально на глазах. Двадцать седьмое февраля, отречение государя, развал армии, будущая гражданская война... Я мог уехать. Мог раствориться в Европе и никогда больше не возвращаться к этим воспоминаниям. Мог прожить долгую и спокойную жизнь, не вмешиваясь в то, что мне не принадлежало. Но тогда зачем меня сюда занесло? Я повернулся к полковнику. Иван Матвеевич, готовьтесь к отъезду. Чем раньше, тем лучше. А я пока должен кое-что выяснить в городе. Елена Павловна покачала головой. Только не говорите, что собираетесь спасать Россию. Я улыбнулся. Нет, голубушка. Для этого у меня слишком мало времени и слишком много здравого смысла. Но про себя добавил: Хотя бы попробую понять, можно ли спасти от неё самого себя.

Глава 17

Сборы оказались недолгими. Елена Павловна, несмотря на недавние переживания, действовала с удивительной энергией. Полковник Иван Матвеевич, наконец смилившийся с тем, что привычный мир рушится быстрее, чем можно составить рапорт, тоже не терял времени. Позавтракав, он отправился в штаб. К обеду вернулся с несколькими бумагами, предписанием на следование в Пермь и распоряжением о выделении роты солдат для сопровождения. Вот, Павел Николаевич, сказал он, протягивая мне документы. Теперь вы официально командуете отрядом сопровождения. Не спрашивайте, чего мне это стоило. Половина штаба занята собственным спасением, другая половина выясняет, кому теперь полагается подчиняться. Благодарю, Иван Матвеевич. Надеюсь, вы не пожалеете. Я уже жалею, сухо ответил полковник. Но, судя по всему, это стало моим постоянным состоянием. Мы расстались без лишних церемоний. Я проводил Ивана Матвеевича и Елену Павловну до парохода, который должен был доставить их за границу. Елена Павловна обняла меня на прощание и прошептала: Не забудьте, Павел Николаевич, что вы обещали мне написать. Обязательно, сударыня. Если почта ещё будет работать. Она рассмеялась, хотя в глазах её стояли слёзы. Я смотрел, как они поднимаются на борт, и испытывал странное чувство. Всего несколько дней назад эта женщина боялась меня, а её супруг грозился отдать под суд. Теперь они отправлялись навстречу новой жизни, а я оставался здесь, в стране, которая стремительно превращалась в огромный котёл с кипящей водой. Что ж, каждому своё. Я повернулся и направился к железнодорожному вокзалу. Поезд оказался полупустым. Большинство пассажиров стремились попасть в Петроград, надеясь разобраться в происходящем или просто добраться до дома. Я же двигался в противоположную сторону. В моём распоряжении находились сотня солдат, шесть пулемётов «Максим», боеприпасы и несколько вагонов с необходимым имуществом. При этом я располагал документами, позволявшими требовать содействия от железнодорожных чиновников. Впрочем, в нынешние вре-

мена любой приказ действовал ровно до тех пор, пока рядом не появлялся человек с более убедительными аргументами. Первой серьёзной остановкой стала станция Дно. Именно здесь судьба преподнесла мне подарок, о котором я мог только мечтать. На путях находился состав с царской семьёй.

Я сперва не поверил собственным глазам. Потом сверился с имевшимися у меня сведениями и понял, что передо мной, вероятно, тот самый поезд, вокруг которого в ближайшие дни развернётся борьба за судьбу бывшего императора. Я задумался. Отправить царскую семью дальше по заранее определённом маршруту? Оставить всё как было? Или воспользоваться случаем и изменить ход событий? Исторические последствия подобного решения были совершенно непредсказуемы. Однако одно я знал точно: оставлять Николая Александровича и его близких на произвол новых властей мне не хотелось. Приказ я отдал быстро. Мои солдаты заняли необходимые позиции, железнодорожные служащие получили распоряжения, а вооружённая охрана царского состава была поставлена перед выбором: либо содействовать дальнейшему следованию поезда, либо объяснять свои действия офицеру, располагавшему сотней штыков и шестью пулемётами. Возражающих оказалось немного. Господа, сказал я сопровождавшим меня офицерам, мы не собираемся ни с кем воевать. Наша задача обеспечить безопасное следование состава. Все распоряжения выполнять спокойно, без лишнего шума. Внутренне я понимал, что только что сделал первый шаг, последствия которого могут оказаться куда масштабнее, чем мне хотелось бы. Но отступать было поздно. Конвойный взвод царской охраны перешел под мое командование после того как переговорил с императором и объяснил всю опасность ситуации. Поезда снова двинулись. В Вологде царский состав продолжил путь в сторону Вятки под усиленным конвоем. Я же тем временем занялся вопросом, который давно не давал мне покоя. Железная дорога была не просто средством передвижения. В условиях революции она являлась артерией, по которой перемещались войска, продовольствие, оружие и сама власть. Тот, кто контролировал железную дорогу, получал огромное преимущество. Поэтому я распорядился собрать доступные составы, организовать их движение и забрать всё, что могло пригодиться на новом месте. Пустые вагоны загружали продовольствием, инструментами, материалами и оборудованием со складов. Разумеется, приходилось считаться с местными властями и железнодорожниками, но мои документы и вооружённый отряд пока позволяли решать большинство вопросов. У меня появилась идея. Если Россия погружается в хаос, зачем пытаться удержаться в самом его центре? Почему бы не найти место, до которого революционные события доберутся не сразу, и не создать там собственную базу? Не империю, конечно. Я не страдал манией величия. Мне требовалось всего лишь пространство, где можно было бы обеспечить безопасность людей, создать запасы продовольствия и подготовить оборону. Место, где не придётся каждое утро угадывать, какой флаг сегодня висит над штабом. Перед Вяткой я отделил царский поезд и в строгой секретности пересадил царскую семью в другой вагон с их имуществом. А сам царский поезд, направил под усиленной охраной в заранее выбранный тупик. Остальные поезда следовали за мной. Нашей конечной целью стал Котлас. Котлас встретил нас не величественными зданиями и широкими проспектами, а несколькими деревнями и небольшим посёлком железнодорожников. Место, на первый взгляд, было совершенно непримечательным. Однако, изучив карты, я пришёл к выводу, что оно вполне подходит для моих целей. Здесь имелась железная дорога, поблизости находились леса и реки, а удалённость от основных политических центров давала некоторое преимущество. Разумеется, полной изоляции не существовало. Телеграфные линии связывали населённые пункты, по железной дороге могли прибыть новые отряды, да и местное население вряд ли обрадуется незваному командиру, который явится и объявит себя хозяином окрестностей. Но на тот момент у меня было сто двадцать штыков, шесть пулемётов, Двести военнопленных, несколько груженых поездов. А ещё полное отсутствие желания возвращаться в Петроград. Я собрал офицеров, железнодорожных служащих и нескольких местных жителей, которых уда-

лось найти. Объяснил, что мы остаёмся здесь на долго и теперь это будет станицей а округ атаманством , будем обеспечивать безопасность железнодорожного узла , пристани и поддерживать порядок.

Граждане! произнёс я, стоя перед собравшимися. В связи с распадом прежней системы управления, отсутствием надёжной власти и необходимостью защитить население от беспорядков объявляю о создании атаманской республики, целью которой является обеспечение безопасности, снабжения и сохранения гражданского порядка. Некоторые смотрели на меня с недоумением, другие переглядывались, а один железнодорожник даже снял шапку, словно собирался перекреститься. Я продолжил: До формирования местных органов управления ответственность за безопасность и работу железнодорожного узла беру на себя. Все распоряжения будут объявляться открыто. Грабёж, насилие и самовольное присвоение имущества запрещаются. Последнее я произнёс особенно отчётливо, потому что прекрасно понимал: без дисциплины моя маленькая республика закончится быстрее, чем я успею придумать для неё герб. Так появилась Республика Котлас. По крайней мере, в моём собственном понимании. Никто не успел вручить мне мандат, провести выборы или обсудить проект конституции. Я просто провозгласил новое государство и назначил себя ответственным за его существование. Впрочем, если подходить к делу строго юридически, этот шаг вызывал немало вопросов. Я решил пока не углубляться в правоведение. Царскую семью разместили втайне на лесной заимке, вдали от железнодорожного поселения. Там имелись несколько жилых строений, хозяйственные постройки и возможность держать всё происходящее подальше от случайных глаз. Я распорядился обеспечить царскую семью продовольствием, тёплой одеждой и необходимой охраной. Затем началось строительство усадьбы, где бывший император и его близкие могли бы жить относительно спокойно. Никакой роскоши на первых порах не предполагалось. Сначала требовалось построить пригодные для проживания помещения, обеспечить отопление, организовать запасы и устроить надёжную связь с железнодорожным узлом. Всё остальное могло подождать. Я прекрасно понимал, что тайна не продержится вечно. Рано или поздно кто-нибудь заметит царский поезд, начнутся расспросы, появятся слухи. А затем за нами могут прийти и новые власти, и сторонники монархии, и самые разные люди со своими представлениями о том, что следует делать с бывшим императором. Но к тому времени я рассчитывал подготовиться. Вечером я поднялся в один из вагонов, разложил на столе карту и долго рассматривал железнодорожные линии, реки и лесные массивы. В сущности, я совершил безумный поступок. Взял на себя ответственность за людей, за которых никто меня не назначал отвечать, присвоил себе право распоряжаться составами и вооружённым отрядом, а теперь ещё и создал республику посреди огромной страны. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом в моей прежней жизни, я бы, пожалуй, посоветовал ему обратиться к психиатру. Но теперь всё это было моей действительностью. Я достал блокнот и написал на первой странице: «Республика Котлас. Основные задачи: продовольствие, безопасность, дисциплина, связь, медицинская помощь. Затем управление и закон». Подумал и добавил ниже: «Не допустить превращения республики в ещё одну вооружённую шайку». Вот с этого и следовало начинать. Потому что провозгласить государство оказалось удивительно легко. А вот сделать так, чтобы в нём захотели жить люди, это уже совершенно другая история.

Глава 18

Оставив в Котласе ротного интенданта в должности городского головы, а капитана роты назначив военным комиссаром, я наконец смог отправиться обратно в Вятку. За время моего отсутствия составы разгружали, склады заполняли продовольствием, и всем тем что было в украденных составах. Республике требовался не столько герб, сколько хлеб, уголь и оружие. С гербом мы как-нибудь разберёмся, а вот голодный народ никакие красивые слова надолго не удержат. Все люди были поставлены на довольствие и зарплату. В стране царила неразбериха, и этим следовало воспользоваться. Не для грабежа и бессмысленного накопления добра,

как могли бы подумать некоторые, а для того, чтобы вытащить из общего хаоса людей, оружие и ресурсы, пока они не достались тем, кто пустит их на очередную междоусобную бойню. Я забрал царский поезд и направился в сторону Москвы. Шли быстро, насколько позволяли состояние путей и железнодорожная обстановка. По дороге подбирали оставших солдат и офицеров, одиночек и небольшие группы, которые потеряли свои части, не знали, кому теперь подчиняться, и просто пытались определиться за какую они власть. Одни соглашались ехать с нами, другие отказывались, третьи долго расспрашивали, кто мы такие и куда направляемся. На подобные вопросы у меня уже имелся ответ: Туда, где ещё есть порядок, товарищ. А если нет будем наводить. Звучало достаточно убедительно для человека в полковничьих погонах, сопровождаемого сотней вооружённых солдат. Москва встретила нас шумом, толпами и бесконечными разговорами о революции. На вокзалах спорили о новой власти, в газетах печатали заявления Временного правительства, а чиновники старательно выпускали распоряжения, словно количество бумаги могло заменить государственную власть. Я смотрел на происходящее и думал, что страна напоминает огромный корабль, на котором капитан исчез, старший помощник спорит с матросами, а каждый пассажир уже примеряет на себя должность адмирала. И вот среди всего этого я увидел казаков. Они держались отдельной группой возле вокзала. При них были лошади, седельные сумки и шашки. По лицам и одежде было видно, что дорога выдалась нелёгкой. Казаки стояли хмуро, переговаривались вполголоса и с явным недовольством наблюдали за происходящим вокруг. Я остановился и направился к их старшине. Братцы, здравствуйте! Атаман, усатый мужчина с обветренным лицом и тяжёлым взглядом, смерил меня глазами. Уважения у него к царским полковникам уже не было. Здорово, коли не шутишь, господин полковник. Позвольте полюбопытствовать, куда путь держите? На фронт, ответил он коротко. Я оглядел казаков, затем лошадей. Так ведь нет у вас теперь никакого фронта в прежнем понимании. Армия разваливается, приказы никто толком не исполняет, а кто завтра будет командовать вашими частями большой вопрос. Атаман зло махнул рукой. Да знаем мы! Только что нам теперь делать? Домой идти? А там что? Земля, хозяйство, семьи. А лошади голодные. Уже второй день толком не кормлены. И сами мы, сказать по правде, не знаем, куда податься. Вот тут я понял, что разговор приобретает интересный оборот. А может, ну его, этот фронт? предложил я. Государя больше нет. Присяга, которую вы давали, осталась в прошлом. Но вы сами остались. Ваши семьи остались. Земля осталась. Так почему бы не заняться тем, что действительно имеет смысл? Казаки переглянулись. Это как же? недоверчиво спросил атаман. Поезжайте со мной. Земли хватит. Дома отстроим. Лошадей накормим. Создадим собственное казачье поселение, где вы будете жить по своим обычаям и сами отвечать за порядок. Не придётся больше таскаться по чужим приказам, которые меняются чаще, чем погода. Атаман долго смотрел на меня, поглаживая усы. Хорошо говоришь, полковник. Да только словами коня не накормишь. С этим я как-нибудь справлюсь. И куда ты нас поведёшь? В Вятку, а затем дальше, к нашим землям. Там найдём место и обустроимся. Он снова посмотрел на своих людей. Несколько казаков уже оживлённо переговаривались. И вдруг атаман произнёс то, чего я никак не ожидал: Ну что, братцы? Довольно нам по чужим углам мыкаться? Поедем с полковником? Ответом ему стал одобрительный гул. Тогда договорились, сказал я. Братцы, собирайтесь. Лошадей и имущество разместим в вагонах. Сено и овёс найду по дороге. Только предупреждаю сразу: у нас будет дисциплина. Ни грабежей, ни самоуправства, ни обид местных жителей. За такое спуска не дам. Атаман усмехнулся. Понял, господин полковник. Мы люди понятливые. Вот и прекрасно. Я указал на свободные вагоны, и казаки принялись устраивать коней. Лошади беспокойно фыркали, переступали с ноги на ногу, били копытами по настилу. Люди работали быстро, хотя по их лицам было заметно, насколько они устали от большого города. А я отправился искать фураж. Потому что можно сколько угодно провозглашать республики и обещать земли, но если у тебя нет сена для лошадей, вся твоя государственная политика заканчивается весьма прозаически. На первой крупной узловых станции мы

отвели состав в тупик. Здесь нашёлся корм, вода и место, где можно было спокойно заняться животными. Лошадей вывели, напоили, раздали овёс и сено. Казаки тоже получили горячую пищу, после чего некоторые буквально заснули сидя. Атаман, напротив, заметно повеселел. Он подошёл ко мне, энергично размахивая пашкой, которую, похоже, считал не столько оружием, сколько естественным продолжением собственной руки. Молодец, полковник! Всё сделал, как обещал. Настоящий атаман! Не торопитесь с похвалами, любезный. До настоящего атамана мне ещё предстоит дорасти. Да знамо дело! рассмеялся он, подкручивая усы. Атаман я, стало быть, Платон Ефимыч. Запомни. Павел Николаевич. Рад знакомству, Платон Ефимыч. Мы пожали друг другу руки. Пока казаки занимались лошадьми, я выяснил у железнодорожников, какие составы стоят без движения и где находятся продовольственные вагоны, задержанные из-за путаницы с распоряжениями. После долгих разговоров и предъявления соответствующих бумаг нам удалось присоединить к эшелону ещё несколько составов с продовольствием. Всё происходило быстро, но я прекрасно понимал: подобные действия не могли долго оставаться незамеченными. Любая станция имела служащих, телеграф, собственное начальство и людей, которые могли пожаловаться в вышестоящие инстанции. Надо было двигаться дальше, пока нам не начали задавать вопросы, на которые у меня не было хороших ответов. Через день мы прибыли в Вятку. Я разместил казаков в брошенном военном гарнизоне, обеспечил их леньгами, продовольствием и распорядился наладить снабжение лошадей. Атаману Платону Ефимычу предоставил полномочия самостоятельно организовать внутреннюю жизнь отряда, поддерживать дисциплину и вести хозяйственные дела. За порядок отвечаешь сам, сказал я ему. Но ни одному человеку не позволено самовольно распоряжаться чужим имуществом. Местных не обижать. Складское хозяйство под учёт. Если чего не хватает, докладывай, а не хватай первое, что попадётся под руку. Атаман серьёзно кивнул. Понял, Павел Николаевич. Казак без порядка, что конь без узды. Только ты уж не пропадай надолго. Постараюсь. Я оставил казакам запас продовольствия, распорядился продолжать подготовку к размещению и снова сел на поезд, направлявшийся в Москву. Дела множились быстрее, чем я успевал их решать. В Котласе появилась республика, в Вятке теперь стоял казачий отряд, а в моём распоряжении находились несколько составов, вооружённая охрана и тайна, которую я пока не собирался раскрывать никому. Я прислонился к стенке вагона и закрыл глаза. Когда-то я мечтал о генеральских погонах. В молодости представлялось, что однажды буду командовать соединением, принимать решения в штабе и докладывать обстановку вышестоящему начальству. Что ж, мечта сбылась самым своеобразным образом. Никакого вышестоящего начальства у меня почти не осталось. Вместо дивизии горстка солдат и казаков. Вместо утверждённого плана несколько карт, блокнот и знания о будущем, которым нельзя было доверять безоговорочно. А вместо генеральских погон... Я усмехнулся и посмотрел на рукава мундира. Пока что приходилось довольствоваться тем, что имелось. Но главное было в другом: я начинал собирать вокруг себя людей, готовых идти за мной не только из страха перед оружием или уважения к чину. Если мне удастся создать для них место, где будет хлеб, безопасность и хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне, то, возможно, у моей затеи появится будущее. А если нет история быстро покажет, насколько дорого обходится самонадеянность. Поезд набирал ход. Впереди была Москва, а за ней вся огромная, охваченная смутой Россия. И у меня уже появлялось подозрение, что одной маленькой республикой дело не ограничится.

Глава 19

В Москву я вернулся с сотней верных мне солдат и твёрдым намерением использовать царивший хаос по назначению. То есть извлечь из него всё полезное, пока другие окончательно не разобрались, кому теперь принадлежит власть. Первым делом мы прошлись по вокзалу. На запасных путях и возле товарных платформ обнаружилось немало военнопленных. Люди выглядели измученными, многие давно не меняли одежду, а некоторые едва держались на ногах. Они слонялись небольшими группами, не понимая, кому теперь подчиняться и что

с ними собираются делать. Я остановился возле одного такого отряда. Кто старший? Из толпы вышел мужчина с усталым лицом. Он представился унтер-офицером и объяснил, что их содержали при железнодорожных работах, но последние дни никто толком не выдавал ни продовольствия, ни распоряжений. А работать можете? спросил я. Он посмотрел на меня так, словно я предложил ему купить Луну. Можем, господин офицер. Только накормите людей. Вот это был разговор по существу. Я распорядился организовать питание, выдать тёплые вещи тем, кому они требовались, и собрать людей для отправки в Котлас. Там имелось достаточно работы: разгружать вагоны, приводить в порядок склады, ремонтировать помещения, заготавливать дрова и помогать строителям. Разумеется, следовало оформить их положение и обеспечить нормальное содержание. Мне требовались работники, а не голодная толпа, которая при первой возможности разбежится по окрестностям. Когда людей собрали, я назначил старшим капитана, а в качестве сопровождения выделил трёх солдат. Доставите состав в Котлас, распорядился я. По прибытии передадите людей городскому голове. Проследите, чтобы их приняли, накормили и разместили. Никакой самодеятельности. Это не каторжная партия, а рабочие, которые помогут нам поставить хозяйство на ноги. Капитан отдал честь. Есть, господин полковник! Я проводил состав взглядом. Ещё одна партия рабочих отправлялась туда, где моя республика пока существовала преимущественно в виде складов, железнодорожных вагонов и нескольких десятков распоряжений, написанных от руки. Держать всё это на плаву без рабочих рук было невозможно. А теперь можно было заниматься остальными делами. С транспортом в Москве творилось нечто удивительное. На путях стояли вагоны, которые не отправлялись сутками. На товарных станциях лежали грузы, ожидавшие документов, распоряжений или просто появления ответственного чиновника. Одни склады закрыли, другие охраняли люди, которые сами не знали, кому теперь подчиняются. Я быстро понял, что при правильном подходе всё это можно превратить в весьма приличное снабжение. Мы подгоняли пустые составы к складам, договаривались с рабочими и железнодорожниками, предъявляли документы, требовали инвентарные ведомости и отправляли грузы на погрузку. Там, где удавалось получить официальное распоряжение, действовали по нему. Там, где начальство отсутствовало, приходилось добиваться хотя бы согласия местных служащих и фиксировать, что именно и откуда забирается. Разумеется, всё выглядело не так гладко, как хотелось бы. Один заведующий складом категорически отказался выдавать муку без разрешения своего начальника. Другой потребовал письменного подтверждения от продовольственного комитета. Третий заявил, что не собирается отвечать собственной головой за исчезновение нескольких сотен мешков. Последнего я даже зауважал. Хорошо, сказал я ему. Составляйте ведомость. Указывайте количество, сорт, состояние товара и место назначения. Один экземпляр оставьте себе, второй отправится вместе с грузом. А если завтра придёт проверка? Тогда у вас будут документы, которые объяснят, куда ушло продовольствие и кому оно предназначалось. Он посмотрел на меня с подозрением. И вы за него отвечаете? Я вытащил наган он отвечает. И вопрос закрывался. Это было суровой правдой, но и не совсем ложью. Если я собирался создать устойчивое хозяйство, то обязан был понимать: одного вооружённого конвоя недостаточно. Рано или поздно патроны закончатся, солдаты проголодаются, а за каждым мешком муки понадобится человек, который сможет объяснить, откуда тот появился и куда отправился. Поэтому я старался вести учёт. Не самый красивый, не самый полный, но хотя бы такой, который позволял разобраться в происходящем. Через несколько часов первый состав заполнили продовольствием, инструментами, тканями и хозяйственным инвентарём. За ним второй. Затем третий. Я ходил по платформам, проверял погрузку и ругался с теми, кто пытался засунуть в вагоны всё подряд, не заботясь о распределении груза. Несколько раз пришлось останавливать работу и заново пересчитывать ящики. Господин полковник, да кому нужна эта писанина? спросил один из солдат, наблюдая, как я сверяю ведомость. Мне нужна. Через неделю вы сами будете проклинать меня за то, что не знаете, где лежат сапоги, а где крупа. А через месяц станете утверждать, что я лично

съел половину запасов. Солдат хмыкнул. Такого не скажем, ваше высокоблагородие. Скажете. Просто пока не придумали. К вечеру все три состава были загружены до отказа. Я осмотрел платформы, проверил пломбы и убедился, что у каждого вагона есть хотя бы приблизительное описание содержимого. Затем распорядился поставить охрану и приготовить поезд к отправлению. Москва осталась позади. Но на этом моя железнодорожная эпопея не закончилась. По пути мы постоянно сталкивались с задержанными составами. Где-то вагоны стояли без локомотива, где-то паровоз ожидал распоряжения, а где-то поезд был готов к отправлению, но машинист отказывался двигаться без подтверждения маршрута. Я использовал все возможности, чтобы присоединять подходящие составы к своему эшелону. Если на станции удавалось получить разрешение, мы оформляли передачу и следовали дальше. Если нет приходилось вытаскивать наган, искать цель, выяснять, кому засадить пулю в лоб. Иногда дело решалось за десять минут. Иногда мы теряли несколько часов. Но каждый новый вагон означал дополнительные запасы для Котласа. И всё же я понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Железнодорожная сеть не была бесхозным двором. Даже в революционной неразберихе оставались диспетчеры, телеграфисты, машинисты и служащие, которые прекрасно знали, какие составы проходят по определённым линиям. Рано или поздно кто-нибудь заметит, что один офицер с небольшой ротой забирает слишком много поездов и отправляет их в одну сторону. Тогда последуют вопросы. А за вопросами могут прийти и новые вооружённые отряды. Я стоял у окна вагона и смотрел, как за стеклом проплывают станции, деревни и лесные полосы. В сумерках железнодорожные фонари казались редкими островками света в огромной тёмной стране. Моё маленькое государство пока существовало благодаря тому, что о нём почти никто не знал. Но секреты имеют неприятное свойство: чем больше людей вовлечено в дело, тем труднее их хранить. Я достал блокнот и записал несколько пунктов. Первое: прекратить бесконтрольное накопление составов и наладить регулярное снабжение. Второе: обеспечить учёт всего продовольствия и имущества. Третье: установить связь с Котласом и Вяткой. Четвёртое: придумать, что отвечать, когда в Москве наконец спросят, куда исчезают вагоны. Я задумался и добавил пятый пункт: Пятое: выяснить, кто в действительности управляет страной, прежде чем этот кто-нибудь заинтересуется мной. Закрыв блокнот, я посмотрел на свои полковничьи погоны. Когда-то я хотел сделать военную карьеру. Теперь же вместо штабных карт у меня были ведомости на мешки муки, вместо подчинённой дивизии сотня солдат, а вместо утверждённого приказа самодельная республика на далёком северном железнодорожном узле. И всё-таки я начинал замечать одну вещь. Историю невозможно изменить одними красивыми речами. Для этого нужны люди, продовольствие, транспорт, связь и хоть какое-то представление о том, чего ты хочешь добиться. Первые четыре пункта у меня постепенно появлялись. Оставалось самое трудное. Решить, ради чего всё это затевалось.

Глава 20

Конечной цели у меня по-прежнему не было. События развивались с такой стремительностью, что я едва успевал осмыслить вчерашние решения, не говоря уже о планировании будущего. Вчера я провозгласил республику, сегодня собирал продовольствие и солдат, а завтра, глядишь, придётся объявлять себя адмиралом. Впрочем, с моим везением подобное развитие событий уже не казалось совершенно невозможным. Прибыв в Котлас, я первым делом проверил склады, поговорил с интендантом и выслушал доклады о прибытии рабочих. Дела шли терпимо, хотя до нормального хозяйства было ещё далеко. Именно там я познакомился с несколькими рыбаками, которые привезли вести с севера. За разговором выяснилось, что в порту Архангельска скопилось множество барж с углём. Портовые работы шли с перебоями, команды разбегались, а хозяева судов не понимали, кому теперь подчиняться и кто станет платить за перевозки. Уголь! Я чуть не расцеловал этих рыбаков. Уголь означал отопление, работу паровозов, возможность снабжать склады и поддерживать железнодорожное сообщение. Без него моя республика рано или поздно превратилась бы в промёрзшее поселение с большими

амбициями. Давно стоят? спросил я. Иные уже несколько недель. Народ там нынче больше говорит, чем работает. Собрания, комитеты, споры. Пока договорятся, глядишь, и навигация закончится. Я посмотрел на карту. Архангельск, Северная Двина, Белое море. Речной путь, морской порт, уголь, суда. В голове постепенно возникал новый замысел. Хорошо, братцы. Благодарю за сведения. В тот же день я отобрал двадцать солдат, погрузил их на военный катер и отправился в Архангельск. Город встретил нас знакомой картиной. Повсюду собрания, споры и политические речи. В порту одни требовали немедленной передачи имущества комитетам, другие настаивали на сохранении прежнего порядка, третьи просто ждали, когда кто-нибудь наконец заплатит им за работу. На причалах стояли баржи, буксиры и небольшие суда. Люди толпились возле контор, ругались с начальством и обсуждали последние известия с фронта. Я сошёл на берег и первым делом отправился к портовым служащим. Кто здесь отвечает за движение судов? В ответ несколько человек одновременно указали в разные стороны. Прекрасно. Значит, ответственного нет. Или ответственных столько, что никто не знает, кого слушать. Я нашёл капитанов, судовых механиков и машинистов, собрал их в помещении портовой конторы и изложил предложение. Господа, мне нужны суда для перевозки грузов. Уголь, продовольствие, оборудование. Работа будет оплачена. Команды получают жалованье и снабжение. Никаких обещаний на словах оформим договорённости и составим ведомости. Один из капитанов недоверчиво посмотрел на меня. А вы, простите, откуда будете? Из Котласа. Он задумался. Это который на железной дороге? Именно. И что же вы там делаете? Пытаюсь наладить хозяйство. Капитан усмехнулся. Нынче все пытаются наладить хозяйство. А получается у всех почему-то революция. Вот поэтому я и предлагаю вам заняться своим непосредственным делом, а не политикой. Вам платят за перевозку вы перевозите. Мне нужен груз я обеспечиваю его погрузку и оплату. В конце рейса каждый получает то, о чём договорились. Разговор постепенно пошёл на лад. Я распорядился выплатить авансы, организовал снабжение команд и предложил капитанам присоединиться к перевозкам между Архангельском и Котласом. Судовладельцы получили возможность зарабатывать, моряки жалованье и продовольствие, а я транспорт, без которого все мои планы оставались бы красивыми линиями на карте. К вечеру порт заметно опустел. Баржи с углём начали готовить к отправке, буксиры собирали составы, а команды возвращались к работе. Именно тогда я обратил внимание на группу военных судов, стоявших поодаль. Несколько кораблей и катеров сохраняли экипажи, но люди на причале вели себя так, словно ждали приказа, который мог никогда не прийти. Капитаны не знали, кому подчиняться, снабжение становилось всё хуже, а перспективы службы выглядели туманно. Вот это уже было серьёзно. Без военного флота вся моя затея с перевозками зависела от доброй воли гражданских капитанов. А на море добрая воля заканчивается там, где начинается угроза пушечного выстрела. Я направился к старшему из командиров. Господа, полковник Павел Николаевич. Хотел бы обсудить с вами возможность дальнейшей службы. На кого вы служите? спросил он, смерив меня взглядом. Пока что на себя и на тех людей, которых взял под ответственность. По его лицу было видно, что такой ответ он счёл не слишком убедительным. А завтра? Завтра, как выяснилось, никому ничего не гарантировано. Но я могу предложить вам продовольствие, жалованье и конкретную задачу. Какую же? Обеспечить безопасность судоходства на Северной Двине и защитить порт от возможного нападения. Командир переглянулся с товарищами. Вы полагаете, нам кто-то угрожает? Я помедлил. По городу ходили тревожные слухи. Говорили о продвижении неприятельских сил и об угрозе северным портам. Сведения были путанными, достоверность их никто толком подтвердить не мог, но паника распространялась быстрее официальных сообщений. Некоторые военные уже обсуждали затопление судов в фарватере, чтобы они не достались противнику. Вот это мне совсем не нравилось. Я полагаю, что корабли нужны не на дне реки, а в строю, ответил я. Если появится угроза, вы сможете прикрыть порт и переправы. Если угрозы не будет, обеспечите перевозки и снабжение. В любом случае вы останетесь при деле. А если противник всё-таки придёт? Тогда будем оборо-

няться. Я развернул карту и положил её на стол. Северная Двина даёт нам естественную линию обороны. Здесь можно организовать наблюдение, контролировать подходы к городу, наладить связь между береговыми постами и судами. Не надо устраивать героическую гибель флота ради сомнительной перспективы. Пока корабль на плаву, у нас есть выбор. На дне фарватера он превращается в дорогостоящую пробку. Один из капитанов усмехнулся. А вы, полковник, случаем, не моряк? Нет. Но я видел достаточно людей, которые сначала уничтожали собственные возможности, а потом героически жаловались на нехватку средств. На этот раз усмехнулись уже несколько человек. Разговор продолжался долго. Мы обсуждали состояние кораблей, наличие топлива, боеприпасов, продовольствия и возможность ремонта. Я обещал снабжение, а капитаны соглашались сохранять экипажи и поддерживать суда в готовности. В итоге удалось достичь предварительной договорённости. Военные корабли оставались на плаву, команды получали продовольствие, а портовые служащие продолжали готовить суда к перевозкам. Это был уже настоящий результат. Поздно вечером я вышел на причал и остановился у самого края. Передо мной лежала широкая, тёмная вода. На противоположном берегу мерцали огни, а у причалов шевелились мачты и такелаж. Я посмотрел на стоявшие вдоль берега суда. Вот так и получалось. Я начинал с намерения спасти нескольких людей, затем создал небольшую республику, обзавёлся складами, железнодорожными составами, солдатами и казаками. Теперь у меня появились гражданские суда и первые договорённости с военными моряками. При этом я по-прежнему не знал, ради чего всё это затеял. Можно было сказать, что я спасаю Россию. Но от кого? От революционеров? От собственных ошибок? От исторических закономерностей, которые я сам понимал лишь приблизительно? А может, я просто пытался построить маленький остров порядка среди огромного хаоса, потому что не умел иначе? Последнее объяснение казалось самым правдоподобным. Я достал блокнот и записал: «Архангельск: организовать снабжение судов. Заключить договоры на перевозку угля. Создать запасы топлива. Поддерживать связь с Котласом. Подготовить план защиты порта и судоходства на Двине». Подумал и добавил: «Не допускать затопления кораблей без крайней необходимости». Затем убрал блокнот и посмотрел на воду. Ветер с Белого моря пробирал до костей. Где-то за горизонтом лежали чужие берега, а далеко на юге продолжала разваливаться огромная страна. Мне следовало возвращаться в Котлас и проверять, как там идут дела. Потом решать вопрос с продовольствием, топливом и управлением. И, самое главное, понять, что делать с царской семьёй, о местонахождении которой пока знали лишь немногие. Пожалуй, пора было признать очевидное: я уже не просто спасался от революции. Я начинал создавать собственный центр силы. И если раньше это было случайностью, то теперь становилось решением. Оставалось выяснить, не пожалею ли я о нём раньше, чем наступит следующая зима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.